18+

ЕВГЕНИЙ КЕЛПШ

Рожденный в ГСВГ

Евгений Келпш

Рожденный в ГСВГ

«Издательские решения»

Келпш Е.

Рожденный в ГСВГ / Е. Келпш — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-556880-9

Эта книга книга о жизни и о службе молодого офицера в непростые годы крушения Государства и Армии, о верности, о любви, о чести и о человеческом достоинстве. Она звучит как реквием по ушедшей эпохе и как встречный марш силе и красоте воинского духа. Приятного прочтения вам, уважаемые читатели, а настоящие офицеры в России были, есть и обязательно будут!

ISBN 978-5-00-556880-9

© Келпш Е.

© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия 6
Разрешите представиться, автор – Кратко о себе 7
Записки старого «ждановца» 10
Глава 1. Реквием «Здравнице» Инженерных Войск МО СССР 10
Глава 2. Военнослужащий Вооруженных Сил СССР есть защитник своей Родины – Союза Советских Социалистических Республик 14
Пикничок на обочине 18
Глава I. Радость военной службы – в преодолении трудностей 18
Глава 2. Медаль за бой, медаль за труд нам всё равно не отдадут… 30
Глава 3. Пикничок продолжается 47
Последние дни несокрушимой и легендарной 53
Глава 1. Эх, молодость, молодость… 54
Конец ознакомительного фрагмента. 57

Рожденный в ГСВГ

Евгений Келпш

© Евгений Келпш, 2021

ISBN 978-5-0055-6880-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

Эта книга появилась как результат публикации отдельных статей Евгения Валентиновича Келпша на канале «Молодость в сапогах». Постепенно созрел замысел объединить их для публикации в более «серьезном» формате. То, что читатель увидит далее, есть как раз результат такого объединения.

Материалы создавались с учетом требований сетевых ресурсов к контенту, так что автор периодически вынужден был применять разного рода изыски, исключая «язык ненависти», «шокирующий контент» и все в этом духе.

В книжном варианте текста было решено сохранить этот стиль – кто знает, как далеко зайдут «цифровизаторы» в плане внедрения новых правил жизни.

В книгу включены пять циклов статей, оформленные как отдельные сюжеты и идущие в хронологической последовательности:

– Записки старого «ждановца»;

– Пикничок на обочине;

– Последние дни несокрушимой и легендарной;

– От анархии к странной монархии;

– Рожденный в ГСВГ.

Заканчивается книга очерком, посвященным Отцу автора – генерал-майору В. В. Келпшу.

В этой книге только личный опыт автора и вовсе нет художественного преувеличения, свойственного некоторым мемуаристам. Что-то осталось за кадром, но мы живем в сложном мире, где неосторожное слово может стать причиной больших проблем, даже если это слово чистая правда.

Удивительная жизнь удивительного человека… Евгений Келпш, потомственные военный, офицер, после увольнения со службы работавший долгое время на предприятиях ВПК, оказался еще и творческой личностью – поэтом, писателем и музыкантом. Коллектив канала «Молодость в сапогах», выступивший в роли редактора и издателя этой книги, от души рад, что причастен к реализации еще одной стороны многогранной личности Евгения Валентиновича. Пожелаем ему успехов на литературном поприще, а читателям – приятного чтения.

Разрешите представиться, автор – Кратко о себе

Келпш Евгений Валентинович, родился 11 сентября 1967-го года в городке Белиц, округ Потсдам, ГДР, в госпитале ГСВГ Белиц-Хайльштеттен. Отец служил в 1-й Гвардейской Инженерно-сапёрной Брестско-Берлинской Краснознамённой орденов Суворова и Кутузова Бригаде, дислоцированной в городе Бранденбурге. В 1968-м году семья по замене Отца вернулась в СССР.

Переезжали от одного места службы к другому часто: Петрозаводск, Сортавала, Котлы, снова Петрозаводск. В 1980-м году Отец отбыл отдавать интернациональный долг в ДРА, где находился до июля 1982-го, в должности Начальника инженерных войск 40-й Армии. Заменился в Нахабино, в 84-м был переведён в Москву, в Управление Начальника Инженерных войск МО СССР.

Школу я заканчивал уже в Москве, в 1985-м году поступил в Калининградское Высшее Инженерное ордена Ленина Краснознамённое Училище Инженерных Войск, на 2-й факультет, 7-я рота. В 1990-м году в звании лейтенанта и со специальностью «инженер-электромеханик, эксплуатация специальных инженерных боеприпасов», отправился служить в Киевский Краснознамённый военный округ, в Отдельную Гвардейскую ИСБр Специальных работ, город Бровары. Далее служил в Киеве, в должности командира переправочно-десантной роты Понтонно-мостовой бригады.

После распада СССР и прекращения существования Советской Армии, продолжил службу в Армии Российской, на инженерных и командных должностях. В 1995-году, в звании капитана, уволился из ВС России и был принят на службу в Управление ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, на должность эксперта-взрывотехника. Окончил заочные криминалистические курсы в 1999-м году, в марте 2000-го переведён в Центр специального назначения ФСБ. В период с 2001-го по 2006-й годы принимал участие в КТО в СКР, в 2007-м уволен по состоянию здоровья с действительной военной службы, в связи с военной травмой.

Автор, Евгений Валентинович Келпш.

Кавалер 2-х Орденов Мужества, медалей к Ордену «За слуги перед Отечеством» первой и второй степеней с изображением мечей, медали «За отвагу», ведомственных наград и знаков отличия.

Поле увольнения в запас работал на предприятиях ОПК. Двое взрослых детей, сын и дочь, живут в Санкт-Петербурге. В настоящее время в браке не состою, проживаю в городе Москве.

Автор этой книги за работой. Консультант, просто консультант.

Записки старого «ждановца»

Балтийская осень, и Небо остыло,
Заплакан дождями наш плац строевой,
И снова звучит: «Отделение! С тыла!»
Мы в лужах лежим, ждем команды «Отбой»…
Мы бьем этот плац каждый день сапогами,
Подковками бьем, только искры летят!
И снова лежим, прижимаясь щеками,
А льдинки на нем, словно звезды, блестят…
(Очень старая песня курсантов КВИОЛКУИВ им. А. А. Жданова)

Глава 1. Реквием «Здравнице» Инженерных Войск МО СССР

В Инженерных Войсках Советской Армии было три инженерных военных училища, в которых готовили офицерские кадры для этого рода войск. Каменец-Подольское и Тюменское командные с 4-х годичным курсом обучения, и Калининградское высшее инженерное с 5-ти годичным курсом.

По географическому признаку Училища имели негласные названия: Каменец-Подольское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск В. К. Харченко называлось «Житница кадров инженерных войск», Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А. И. Прошлякова именовалось «Кузница кадров инженерных войск», а Калининградское высшее инженерное ордена Ленина Краснознаменное училище инженерных войск им. А. А. Жданова – соответственно, «Здравницей инженерных кадров». Еще бы, от КПП до пляжа в Зеленоградске максимум 2 часа ходу… А еще нас очень забавляло то, что в наименовании нашей Alma mater отсутствовало слово «военное». Что давало нам полное право на вопросы любознательных калининградочек «А ты в военном училище учишься?» скромно отвечать: «Ну что ты, милая, конечно же нет…».

«Рота, подъем! Выходи строиться на утреннюю физическую зарядку! Форма одежды №2, голый торс!» Одеяло и простынь откинуть на спинку кровати, рывок к стулу, на котором сложена форма. Как попало намотаны портянки, спросонок и от волнения никак не попасть в узкие голенища «курсантских» сапог. Есть! Непроснувшаяся толпа юношей струйками вытекает из «кубриков», формируясь в мощный поток, бегом по 100 метровому коридору к распахнутым дверям казармы. На крыльце старшина роты, сержант третьего курса Олег Матвиенко, выпускник Ленинградской «Кадетки». «Рота, в линию взводных колонн стройся!»

Толпа превращается в воинское подразделение – колонны угловатых, нескладных полусонных кмбшников, справа от первой шеренги – подтянутые, крепкие, загорелые заместители командиров взводов, курсанты третьего курса. На ближайший год они – наши самые главные командиры и товарищи, педагоги и пример для подражания.

«В походную колонну, левое плечо вперед, шагом марш!» 120 пар ног пришли в движение, рота вытягивается повзводно в колонну по три. Олег Матвиенко занимает место перед первым взводом, замкомвзвода 4-го и 5-го взводов замыкают колонну – «умирающих» ловить. «Рота, приготовиться к бегу!» Руки сгибаются в локтях, корпус подается вперед. «Бегом ааарш!» По немецкой мостовой кони шли на водопой… Грохоча вчера только подкованными

сапогами по брусчатке тысячелетнего рейха, рота несется на Учебный центр. Первая в нашей военной жизни утренняя «трешка».

Время – 06:10 калининградское, 1-е августа 1985 года. Место – поселок Борисово, пригород города Калининграда, бывшая танковая школа Гейнца Гудериана, а в описываемый период – Калининградское Высшее Инженерное Ордена Ленина Краснознаменное Училище Инженерных Войск имени А. А. Жданова. 1-й день Курса молодого бойца.

Еще два дня назад мы были «абитурой». Иногородние жили в казармах, местные – дома. Так как родители мои калининградцы с первых дней присоединения Восточной Пруссии к СССР и все мои родственники в Калининграде, я тоже жил у бабушки, хотя и приехал из Москвы.

Если честно, приехал я с родителями. Свершилось немыслимое чудо: в день моего выпускного вечера в школе Отец прилетел из Афганистана в отпуск. В Кёниг поехали всей семьей. Отец в процесс моего поступления не вмешивался, хотя Училище находилось в его подчинении.

Они с мамой и младшей сестрой замечательно отдыхали на море, стоял теплый прибалтийский июль. А я зубрил, зубрил и зубрил. Конкурс – 12 человек на место. Сочинение, математика (алгебра, геометрия, тригонометрия), физика, новейшая история и история СССР, физподготовка, профессиональный отбор. Ох, как же не похоже-то все на выпускные экзамены в школе! И какой-же я пенёк, хотя в аттестате 1 «четверка».

Дополнительные вопросы на экзаменах по математике и физике очень далеко выходят за пределы школьной программы. «Расскажите, как вы понимаете Теорию относительности?» «Готовы ли вы решить дифференциальное уравнение?» «Объясните, что такое производное первого рода?» Мама дорогая, о чем это они? В итоге, две «четверки» по математике и физике и «трояк» по физре. На 100 метровке кроссовок с ноги слетел… Явно, иду на бреющем полете. Средний балл 4,4, а надо 4,5, чтобы попасть на ту специальность, на которую я так рвался.

Мандатная комиссия. Зуб не попадает на зуб. Строевым вхожу в кабинет Председателя. За столом начальник Училища генерал-лейтенант Виктор Васильевич Жигайло, инженерный генерал, который на День ВМФ открывал в Балтийске парад, проносясь с военно-морским флагом вдоль строя кораблей ДКБВ на водных лыжах. Серьезный мужчина.

«Евгений Валентинович, какой специальности Вы хотели бы обучаться?» – «Кафедра радиоэлектроники и связи, дистанционное управление, инженерные боеприпасы!» Жигайло внимательно изучает мои результаты вступительных экзаменов. Заместитель председателя мандатной комиссии начальник учебной части полковник Примак докладывает: «Средний балл 4.4 + балл аттестата 4,75, итого 4,5 есть». Начальник Училища внимательно смотрит на меня. Улыбается: «Поздравляю, Евгений Валентинович, Вы зачислены в Училище, 2-й факультет, кафедра №23!»

Домой лечу на крыльях победы. По пути забегаю в парикмахерскую. «Как стрижем?» – «Под машинку». Прощай, есенинская шевелюра, мечтательный пробор и томная чёлка. Из зеркала на меня глядит пацан с мягким рисунком губ, испуганными глазами и упрямой ямочкой на подбородке. Дома ахи и охи. Отец крепко пожал мне руку.

Немного истории: Династия продолжается, the show must go on! Дело в том, что по линии отца в нашей семье все мужчины с далекого 1795 года служили в Русской Армии и на Флоте. Предки были из небогатой, но известной фамилии литовско-польских дворян. Сигизмунд Келпш был другом и соратником польского короля Михаила Вишневецкого.

После раздела Польши род раскололся – часть осталась добрыми католиками и яростными русофобами, а та половина, потомком которой был мой Отец, приняла православие и добросовестно служила своей новой Родине. Звезд с неба не хватали, жили на жалование, служили честно.

Прадед, полковник, выпускник Виленского пехотного юнкерского училищ 1876-го года, пропал без вести в 1915 году, двоюродные деды – Георгий и Владислав, лихо бились во время первой мировой войны. Родной дед по Отцу в чине старшего лейтенанта погиб в феврале 1942-го года на завершающей стадии советского наступления под Москвой.

Мы с отцом закончили одно училище, даже жили, как выяснилось, в одной казарме. Только при Отце Училище называлось Московское Краснознамённое высшее военно-инженерное училище (1946—1958 гг), а при мне уже была «Ждановка», бывшее Николаевское Инженерное Училище, ведущее свою родословную от созданной Петром Великим в 1713 году Санкт-Петербургской военной инженерной школы.

Генерал-майор В. В. Келпш, Отец автора.

30 июля Отец привез меня в Училище и пошел к Генералу, отметить успешное окончание набора курсантов и вспомнить былое. А я отправился на склад получать форму. Выдали новенькое х/б, пилотку, кожаный ремень, комплект погон и петлиц, эмблемы, нижнее белье, портянки и очень интересные сапоги. По покрою они были как офицерские, с высокими голенищами и узкими носами, но сшиты были из юфти. Это были курсантские сапоги, и мы были последними, кто их застал.

Прибыл в казарму, доложился старшине, он объяснил, в каком кубрике располагается мой 4-й взвод. Получили в каптерке матрасы, подушки, одеяла и постельное белье. Замкомвзод распределил нас по отделениям и развел по койкам. И поставил задачу: к утру все должно быть пришито на установленные места, форма поглажена, сапоги почищены. И понеслось… Вы когда-нибудь пришивали к х/б куртке твердые курсантские погоны? А петлицы? При наличии одной иголки на троих? В общем, угомонились мы часа в три.

А утром мы уже дружно бежали по бетонке Учебного центра, я чувствовал, как стопы постепенно освобождаются от наспех намотанных портянок, желудок подкрадывался к кадыку и почему-то очень не хватало воздуха. Хотелось тихо умереть, но замыкающие «замки» 4 и 5 быстро и решительно пресекали малодушные попытки отстать. Добрый старшина Олег, мастер спорта по офицерскому многоборью, прогнал нас на первой «трешке» за 15 минут. Для вчерашних пингвинят это было сурово.

Толпимся в умывальник. Очередь, мы все мокрые и скользкие. В немецких казармах горячей воды нет. Да и наплевать, любая сойдет. Фыркая и создавая тучи брызг, смываем

пот. «Всем собраться в кубриках!» Ломимся в жилые помещения, выстраиваемся в проходе в 2 шеренги. Подтянутый замкомвзвод проводит с нами занятие на тему «как правильно застилать постель». Пытаемся повторить. Хаос. Постели летят на пол. Реплэй. Снова реплэй. И снова. На 4-й раз что-то получилось, даже пресловутый «кантик» на одеяле и подушка кирпичиком.

«Рота, приготовиться к утреннему осмотру!» Строимся в коридоре в 2 шеренги. Командиры отделений еще не назначены, поэтому осмотр проводят «замки». Комсомольский билет, носовой платок, расческа, 2 иголки с зеленой и белой ниткой за подкладкой пилотки. Начищенные пастой ГОИ пряжки ремней. «Обе шеренги кругом, левую ногу на носок ставь». Ибо вычищенными должны быть и задники и каблуки сапог.

События продолжают развиваться стремительно. Строимся на улице, повзводно. Равняемся, смирняемся, «в походную колонну» и начинается долгий путь в курсантскую столовую. После 7-го возвращения «на исходное» у нас начинает что-то получаться! Вот только времени на прием пищи остается все меньше и меньше. Строимся на площадке перед столовой, как вы уже догадались, в линию взводных колонн. «В столовую справа по одному бегом ааарш!» Взлетаем на второй этаж и замираем возле накрытых столов, пилотки за ремень.

В Ждановке блюли традиции, в курсантской столовой столы накрывали вольнонаемные официантки: столы на 4-х человек, на столах белые крахмальные скатерти, салфетки в салфетницах, сахар в фарфоровой сахарнице, 4 кусочка сливочного масла в масленке, ножи, вилки, чайные ложки. Единственно, что для кмбшников ставили металлические тарелки.

Кофейный напиток в чайнике, рисовая каша с поджаркой в бачке. Стоим и хотим есть. Старшина торжественно проследовал к своему столу. «Рота, садись! К приему пищи приступить». Грохот отодвигаемых стульев, лязг всего обо все, стремительный процесс поглощения пищи. Это длится максимум десять минут, и на столах уже идеально пусто. «Окончить прием пищи. Встать, выходи строиться!»

Нас ведут в лекционный зал, 2-я рота кмб 1-го факультета прибывает туда же. Появляются суровые капитаны и старшие лейтенанты, два щеголеватых майора. Это наши начальники курсов и курсовые офицеры на время КМБ. Перед присягой им на смену придут уже постоянные, со многими из которых мы доживем до 5-го курса и выпуска.

«Курс встать! Смирнааа!» В зал входит начальник Училища. «Вольно, садись!» Он еще не здоровается с нами, как с другими курсантами: «Здравствуйте, товарищи Ждановцы!» Ведь мы еще абсолютные салаги и непонятно, сколько нас доберется до Присяги. Виктор Васильевич проходит на кафедру, начинает рассказывать нам об истории Училища, наших обязанностях, перспективах и о том, какие же мы везунчики: ведь через 25 дней мы примем Присягу и станем полноценными членами дружной курсантской семьи, чьё начало уходит в славные Петровские времена. Так начинался мой первый военный день.

Уходят, уходят, уходят,
Уходят в рассвет юнкера,
На дальнем, суровом походе,
Во славу России – ура!
Колышется Знамя Святое,
Омытое кровью в бою.
Отечество наше родное,
Тебе свою жизнь отдаю…

Глава 2. Военнослужащий Вооруженных Сил СССР есть защитник своей Родины – Союза Советских Социалистических Республик

«Август празднует в силу вошедшее лето…», синее прибалтийское небо, разлитый праздничный солнечный свет, прогревшееся за 2 месяца ласковое море и белый песок дюн. На пляжах аншлаг, знаменитый калининградский загар золотит стройные фигурки длинноногих девчонок. Жизнь прекрасна.

«Бум! Раз-два-три-четыре, бум!» и снова, снова, снова – «БУМ!» Раскаленный асфальт, размеченный на квадраты плац. В прозрачном мираже неба безжалостный белый диск, на него больно смотреть, кажется, что вот-вот закипит мозг… 1985 год, август. КВИОЛКУИВ им. А. А. Жданова, КМБ, подготовка к принятию Присяги.

Индивидуальная строевая подготовка, строевой шаг на 4 счета… «Левая рука назад, до отказа, правая согнута в локте, кисть на 5 сантиметров выше уровне пряжки ремня. Левая нога поднимается на угол 45 градусов, стопа параллельно земле, носок оттянут вниз. Правая нога прямая. Прямая! Кто волочет носок? Стой! Упор лежа принять! 20 отжиманий, приступить!» И снова: «Бум! Бум! Бум!»

Мы учимся ходить строевым шагом. Сначала индивидуально, потом повзводно, в колонну по три. Наши «замки» – третьекурсники добросовестно умирают вместе с нами. Командует парадом полковник строевой кафедры. Каждый день, после завтрака и одной пары занятий по общевоинским дисциплинам нас встречает строевой плац. Погода великолепная, куртки х/б через 30 минут можно выжимать.

Каждый час звучит команда «Вольно, садись!» И мы падаем прямо на асфальт, сидим и дышим. В голове идеальная пустота. Вакуум. Если нас в колонну по 10 сейчас подвести к пропасти и скомандовать «Шагом марш!», шагнем, не рассуждая. В этом, собственно, и есть высший смысл строевой подготовки со времен римских легионов – добиться абсолютной управляемости и слаженности воинского подразделения.

«Строй установленное Уставом размещение военнослужащих, подразделений и частей для их совместных действий в пешем порядке и на машинах… Нормальная скорость движения шагом по 120 шагов в минуту. Размер шага 70—80 см.

…Строевой шаг применяется при прохождении подразделений торжественным маршем; при отдании ими чести в движении; при подходе военнослужащего к начальнику и при отходе от него; при выходе из строя и возвращении в строй, а также на строевых занятиях».

Как все лаконично, просто и гениально. Как чудесно устроена военная жизнь, если в душу закрадываются сомнения, бери сборник «Общевоинские уставы ВС СССР» и читай. Там есть ответы на все вопросы.

А между тем, с каждым днем интенсивность занятий нарастает. Мы уже умеем ходить повзводно, теперь осваиваем парадный расчет – движение в составе ротной колонны по десять. Колотим сапогами плац, двигаясь шеренгами на дистанции 10 шагов. Равнение, равнение, равнение в шеренге! Только бы не завалиться назад и не вывалиться вперед, только бы не сломать идеальную ниточку шеренги! Бум-бум-бум отбивает такт большой барабан, тра-та-та-та-та – рассыпает дробь малый.

Музыканты-барабанщики похожи на роботов, отсутствующие взгляды, равномерные взмахи рук, пот, пот, пот из-под фуражек. На трибуне преподаватель кафедры общевоинских дисциплин, полковник. Мы умираем в х/б, он монументально возвышается над нами в полной

повседневной форме «для строя». Китель, портупея, блестящие сапоги, фуражка. Иногда мы сомневаемся, что он материален, может, голограмма?

Через две недели строевой муштры знаковое событие: нам выдали учебные автоматы. Теперь осваиваем строевые приемы с оружием. Еще новости: временные курсовые офицеры нас покинули, пришли постоянные. Наш – лейтенант Вячеслав Алексеевич Монахов, выпускник 85-го года, в курсантстве – старшина 7-й роты. Из отпусков прибыли курсанты 3-го курса, линейные и знаменная группа. Они досрочно сдавали сессию и уезжали в отпуска, чтобы быть в строю в нужный момент наших тренировок.

Методика строевой подготовки в военных училищах Советской Армии была идеальной. Мы уже не умирающее стадо несчастных мальчиков, мы уже воинское подразделение, 7-я рота, 2-й факультет. Мы печатаем шаг повзводно и поротно, браво выполняем строевые приемы с оружием, складно исполняем строевые песни. Голоса еще, конечно, как у голодных котят, но мы стараемся.

Я – ротный запевала. Каждый день при следовании из курсантской столовой и на вечерней прогулке рота должна петь. Церемониал принятия Воинской Присяги также предполагает прохождение торжественным маршем и затем, с песней. Есть нюансы: мы не солдаты, мы – курсанты, и поэтому шедевры типа «Не плачь, девчонка», «У солдата выходной» и т. д. негласно запрещены. У каждой роты должны быть, как минимум, две свои «фирменные» песни.

Наши предшественники, 7-я рота 85-го года выпуска, на пятом курсе ходила на вечернюю прогулку с баяном, черным знаменем с надписью «анархия – мать порядка» и дерзко пела «Сатану». Ну, так и дядьки там были после войск, да 2-х и 3-х курсов гражданских вузов, сплошь женатые и усатые.

Нам-то низзя, мы еще «маленькие» … Для повседневного употребления наши «замки» из 10-й роты уступили нам «Когда мы покидали свой родимый край…», я созорничал и приспособил Окуджавскую «Отзвенели песни нашего полка». Для вечерних гуляний и движухи из столовой нормально. Но не для торжественного момента. Курсовой Монахов изводил меня требованиями «родить» ротную песню. Тем более, что нашим братьям из 2-й роты 1-го факультета повезло, им от выпускников досталась шикарная «Взвейтесь, Соколы, орлами».

Неожиданно на помощь пришел начальник факультета полковник А. Шитов – маленький, сибиряк и заядлый гармонист. Он научил нас песне «Сплав науки и отваги – Инженерные Войска», жить стало лучше, жить стало веселее…

До Присяги неделя. Ритуал отточен до совершенства. Контрольный «прогон» принимает Заместитель начальника училища полковник Шитов – большой. От волнения перестарались… Ротные строи «поплыли», песни не взяли за душу. Офицеры выстроены в шеренгу возле трибуны, мы млеем в линии взводных колонн. Я не знаю, что им сказал Александр Николаевич, но в строй они вернулись явно воодушевленные. И все сначала.

До Присяги три дня. Нам выдали боевое оружие и парадную форму с фурнитурой. Курсантская «парадка» сшита из офицерского сукна, в отличие от солдатской. Теперь к ней надо все это пришить: погоны, петлицы на металлической основе, эмблему и курсовку – «минус». Все должно быть строго на своих местах, в соответствии с «Правилами ношения военной формы одежды», ровненько и аккуратненько.

«Замки» и старшина не спят вместе с нами. Проверяют, меряют, безжалостно отпарывают и снова меряют. Ночь пролетела, как в объятиях юной любовницы. Утром строевой смотр. Ленинградские кадеты Поляков и Растаев тут же учат нас плохому: «набиваем» тульи фуражек и ослабляем пружины. Прокатило. Два дня строевых тренировок с оружием и в парадной форме. Текст Присяги снится ночью вместе с Положением о Боевом Знамени. Всё. 25-е августа 1985 года.

Мой самый лучший день после рождения на свет! 25.08.1985 года. С этого дня и навсегда я стал настоящим Солдатом своей Великой Страны. Таким, как мои Отец и Дед, двоюродные Деды и Прадед. Сбылась моя мечта, которая долгие годы казалась недостижимой.

Дело в том, что я хронический «сердечник». Врожденный порок сердца, дефект межжелудочковой перегородки не оставлял шансов. До 9-го класса я был освобожден от физкультуры, состоял на учете в кардиологии Военно-Медицинской Академии. После девяти лет светила операция. Но встретился в жизни полковник-кардиохирург, который посоветовал: «пой, набирай полные легкие воздуха и тяни гласные до полного выдоха, до изнеможения». Каждый день по 2 часа.

К 15 годам признали годным к срочной военной службе, но не офицером. Опять повезло, встретил специалиста – спортивного врача хоккейного ЦСКА. И он сказал: «бегай, медленно, но долго и каждый день». Медкомиссию в военкомате прошел без проблем. В выпускном классе сдал всю школьную программу по ФИЗО. Терапевт в Училище, мудрая Женщина, сделала шаг навстречу…

И вот он, яркий августовский день. Мы замерли в линии взводных колонн. За линией оцепления родные и знакомые лица, многие плачут. Перед развернутым строем первый Заместитель Начальника Училища полковник Шитов Александр Николаевич (Шитов – большой, потому что был еще начальник 2-го факультета, Александр Шитов-маленький). В парадной форме «для строя», лайковых белых перчатках, перехваченный парчовым парадным поясом.

Что ни говори, а парадная форма офицеров и генералов Советской Армии была совершенна. Да, дорогая, да исключительно церемониальная, но на то она и парадная форма. Для парадов. И никому бы в то время и в голову не пришло выводить парадные расчеты в полевой экипировке «афганке» и в «броне». Чтили Устав и из воинских мероприятий и ритуалов «шоу» не устраивали.

«Училище, Смииирнаа! Равнение на середину!» Чеканят шаг навстречу друг-другу Заместитель и Начальник Училища, генерал-лейтенант Виктор Васильевич Жигайло. «Товарищ генерал-лейтенант! Личный состав 1-го курса Калининградского Высшего Инженерного Ордена Ленина Краснознаменного Училища Инженерных Войск имени Андрея Александровича Жданова для принятия Воинской Присяги построен! Заместитель Начальника Училища полковник Шитов». Встречный марш. «Здравствуйте, товарищи курсанты!» Фирменная пауза 2 секунды и «Здравия желаем, товарищ генерал-лейтенант!» И снова: «Смииирна! Равнение на Знамя!» На глазах сами собой наворачиваются слезы, мы вытянулись в струнку и замерли.

Боевое Знамя воинской части Вооруженных Сил СССР есть символ воинской чести, доблести и славы…

Знаменная группа занимает свое место на правом фланге. Перед строем устанавливают покрытые красным сукном столы. На них, в красных кожаных папках, текст Присяги и подписные листы. У столов – начальники курсов. «Курсант Келпш, для принятия Военной Присяги выйти из строя!» Чеканю шаг изо все сил, поворот кругом у стола, в руках папка с текстом Присяги.

Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооруженных Сил, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров и начальников.

Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему Народу, своей Советской Родине и Советскому Правительству.

Я всегда готов по приказу Советского Правительства выступить на защиту моей Родины – Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Воору-

женных Сил, я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами.

Если же я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся.

Расписываюсь, возвращаюсь в строй. Всё. Свершилось. Я – Советский Воин.

Потом было прохождение торжественным маршем и с песней, объятия, рукопожатия, поцелуи и радостные слезы родителей и родственников. Праздничный обед, оркестр в вестибюле столовой и первое курсантское увольнение.

Автор принимает присягу.

И пять лет учебы и службы. Пять лет кропотливой работы курсовых офицеров, начальников курсов, командования факультетов и Училища. Пять лет титанического труда преподавателей и начальников кафедр. Мы хотели стать настоящими офицерами, мы «тащили службу» и грызли военную науку. И все у нас получилось. Все, чему учили, помню до сих пор. Я прослужил 22 «календаря», из них – пять лет взрывотехником ФСБ, и семь лет в ЦСН ФСБ России. По совокупности со «льготкой» и боевыми получилось тридцать лет. И всю свою действительную службу, и сейчас, находясь в запасе, я помнил, помню и буду помнить, что я – Ждановец. Советский Офицер.

Пикничок на обочине

Глава I. Радость военной службы – в преодолении трудностей

Итак, в 1990-ом году, по окончании КВИОЛКУИВ им. А. А. Жданова, я был направлен для прохождения службы в 313-ю Отдельную Гвардейскую Берлинскую Инженерно-саперную бригаду специальных работ, дислоцированную в Броварах, городе-спутнике Киева. Бригада была развёрнута в 1987-ом году для ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС в г. Припять.

Создавал Бригаду и бессменно командовал ею до момента ликвидации Советской Армии гвардии полковник Синельников Вячеслав Павлович. Военнослужащие 313-й ОГв. ИСБр в 1989-м году спасали людей и стратегически важные объекты в Армении после катастрофического землетрясения, занимались рекультивацией территорий в зоне отчуждения ЧАЭС, одним словом, Бригада представляла собой эдакий прообраз современного Центроспаса МЧС.

Непосредственно в Бригаде меня назначили командовать 1-м взводом 1-й роты радиоуправляемых роботизированных средств Инженерно-саперного батальона специальных работ. Звучит интригующе, не правда ли? На дворе 1990-й, гласность с перестройкой приближаются к точке экстремума, а тут и радиоуправляемые, и роботизированные средства инженерного вооружения.

Да, в Советском Союзе к началу 90-х был создан мощный научный и инженерно-технический задел для развития робототехники и дистанционно-управляемых средств. Из космоса, из категории луноходов, эти машины благополучно «приземлились». Могучий импульс развитию тематики дал Чернобыль. В зоне сплошного радиоактивного заражения экипажи инженерной техники полностью выходили из строя в течение нескольких часов работы, попытка применить импортные гражданские дистанционно-управляемые машины особого успеха не имела, радиоэлектроника тоже «гибла» по воздействием безжалостного излучения.

Спасались свинцовыми экранами, тройными экипажами, но пришло чёткое понимание: без устойчивых к экстремальным условиям эксплуатации советских роботизированных и дистанционно-управляемых средств такие задачи эффективно решать нельзя.

Невыносимо было смотреть на 20 – 22-х летних солдат, облысевших, бледных, с ввалившимися щеками и красными, слезящимися глазами. Они уходили на «дембель» умирать.

К 1990-му году появились опытные образцы сразу в нескольких категориях: бульдозеры Т-10Г6, Боевая машина разминирования на базе танка Т-62, роботизированный комплекс СКБТМ НИИ ТрансМаш на базе танков Т-80. Полным ходом шли работы в рамках ОКР «Модуль». Наша рота была, по сути, подразделением для проведения эксплуатационных войсковых испытаний указанных средств.

Роботы НИИ ТрансМаш.

Солнечным, праздничным, слегка пьянящим утром 3-го серпеня 1990-го года Ваш покорный слуга, облаченный в сшитую в ателье советскую парадную форму «для строя», перехваченный парчовым парадным поясом, в сияющих высоких хромовых сапогах со вставками и узкими носами, в белых лайковых перчатках и с победным блеском в глазах упругой походкой здорового 23-х летнего молодого человека вошел в расположение 1-й и 3-й рот Гвардейского Инженерно-саперного батальона Спецработ.

На тумбочке у входа в казарменное помещение, привалившись к стенду с ротной документацией и боевыми листками сидел дневальный и безучастно смотрел в пустоту. А может, спал с приоткрытыми раскосыми глазами. Пилотка чудом держалась на стриженом черном затылке, крючок и верхние две пуговицы были небрежно расстегнуты. Пряжка ремня прикрывала гениталии воина-гвардейца, штык-нож лежал рядом на тумбочке.

Видимо, молодой азиат был буддистом и принципиально не носил на себе оружия. Несколько долгих минут я созерцал его, он – лик Будды. Затем я стянул с правой руки узкую перчатку и коротко, без замаха, двинул юношу снизу в подбородок. Голова пришла в соприкосновение с документацией, ноги оказались на полу, пуговицы и крючок застегнулись, ремень и штык-нож вернулись на обозначенные Уставом позиции. Смуглая рука юного Тамерлана взлетела к пилотке, и он возгласил: «Дежурный по рота, на выхид!»

Из ленинской комнаты неспешно выплыл дежурный «по рота». В отличие от дневального, он был рыжим, худым, пилотка натянулась на самые уши, кирзовые сапоги были затейливо отглажены в ромбик, на левом рукаве его находилась красная когда-то тряпочка с трудно различимыми иероглифами. Абсолютно плоская пряжка ремня традиционно прикрывала паховую область. Правой рукой он крутил пистолетный ремешок с громадной связкой ключей, левой искал что-то в кармане ушитых штанов. «Чего кричишь, а?» – недовольно вопросил он дневального.

Я проделал то же упражнение, но уже с правой в челюсть, вложив в удар инерцию корпуса. Встав с пола, молодой и симпатичный младший сержант громко и чётко представился: «Дежурный по 1-й и 3-й ротам младший сержант Ибрагимов!» Я представился в ответ. Ибра-

гимов оказался очень сообразительным и толковым гвардейцем 3-го периода службы. Он доложил, что «Афицер нэт, ваш рот и старшина весь на пилорам, на месте каптер, все будут в обэд». Поблагодарив его за информацию и пожав герою руку, отправился в строевую часть батальона, расположенную на первом этаже огромного казарменного здания, явно, 50-х годов постройки.

За деревянным барьерчиком у пишущей машинки сидела Мадонна Луиза Вероника Чикконе и придирчиво разглядывала себя в маленькое зеркальце, зачем-то периодически показывая себе же кончик розового языка. Я молчал, она гримасничала, текли минуты быстролётной жизни.

Облокотившись на барьерчик, я начал пристально разглядывать Нимфу. Первой сдалась она: «Тебе чего, мальчик?» – «Лейтенант Келпш Евгений Валентинович, прибыл для прохождения службы, документы хочу сдать, девочка», – ответил я в тон. «Игорь Иванович, тут к тебе!» – крикнула Нимфа куда-то в стену. В стене приоткрылась дверца, и из неё возник весьма колоритный персонаж с погонами старшего лейтенанта на кургузом, заношенном кителе. Седоватая шевелюра его была всклочена, усы топорщились, бесцветные глаза воспалены, а от бордового лица можно было прикуривать.

В сгустившимся воздухе повис аромат одеколона «гвоздика» и свежайшего выхлопа «зубровки». Нимфа фыркнула, как кошка, и, задержав дыхание, ловко выскользнула из-за барьерчика в коридор и уцокала куда-то копытцами. Я повторил Игорю Ивановичу цель своего прибытия. Он тяжело вздохнул, у меня закружилась голова.

Сев на место Нимфы, он долго рылся в ящиках стола, потом в шкафу, наконец, достал толстый и потрепанный журнал. «Давай документы», – я протянул предписание, аттестаты, удостоверение личности офицера. Заняв боевую позицию, Игорь Иванович как-то собрался, приободрился, в мебели больше руками не блуждал, быстро и аккуратно внес меня в ШДК батальона, ещё в какие-то книги, сделал отметки в аттестатах, поставил, где положено, гербовую печать.

«Теперь Тебе к начпроду, начвещу и к начфину», – обозначил мою траекторию старший лейтенант. «После обеда будет Начальник штаба майор Гензе Генрих Робертович, он исполняет обязанности комбата, представишься ему. А сейчас давай в тыл и финансы, они у нас в подвале».

Я сердечно поблагодарил и покинул помещение. Затворив за собой дверь, прочитал надпись на табличке «Помощник Начальника штаба батальона старший лейтенант Гребенюк И. В.» Спустившись в гулкий и прохладный подвал, я сначала зашёл в финансовую часть. Начфин произвёл приятное впечатление, подтянутый и свежий старлей, без следов пагубных пристрастий на широком славянском лице, быстро принял мои бумаги, тоже внес меня в свои книги и, предупреждая мой вопрос, сказал: «За подъёмными приходи, когда будет приказ по части о Твоём назначении на должность. И не тяни, деньги я держу, да мало ли что».

Воодушевленный таким приемом, отправился искать кормильца и вещевика. На следующей двери была лаконичная надпись «Тыл войсковой части №№. Майор Саакян М. Х.» За дверью что-то происходило, и дверь была заперта. Я постучал, возня за дверью стихла. Я постучал настойчиво, следуя Евангельскому Учению «Стучите, и отворят Вам».

Через некоторое время дверь, действительно, приотворилась, в щели маячил старший прапорщик. Удивленно оглядев мою блестящую персону, спросил вежливо: «А Вам чего?» Я ответил, что ничего, а кого, что я вновь прибывший офицер и нуждаюсь в помощи интендантов.

Из глубины помещения голос с мягким кавказским акцентом предложил мне войти. Взору предстала интересная картина: посреди просторного помещения с несколькими столами, шкафами и сейфами стоял табурет, на табурете лежал чей-то тревожный чемодан. Клубился табачный дым, а вкруг чемодана сидели офицеры и прапорщики, на чемодане же лежали карты, тетрадка с записями, на ближайшем столе графин с водой.

Мне навстречу поднялся высокий, полноватый майор с добрым, очень мягким характерным армянским лицом и протянул мне руку: «Майор Саакян, можно просто Миша, да? В храп играешь? Нет? Ничего, научишься, садись, проходи, да?» На мои резоны про аттестаты сдать он только махнул рукой: «Да все мы тут, да? А начпрод и начвещь у нас вот он – старший лейтенант Саша Баламут, Саша, да?» Старлей с удивительно круглым лицом и глубокими карими глазами, подстриженный «в кружок» – прямо лубочный хлопец такой из «Вечеров на хуторе близ Диканьки», не вставая, протянул мне руку. «Сейчас, подожди, всё у Тебя приму, кон доиграем только».

«Доиграем только» продолжалось около часа. Какие страсти кипели! Я тихонько наблюдал и мотал себе на ус. За импровизированным ломберным столом действительно, присутствовало всё батальонное интендантство: сам замполтыл товарищ Саакян, начпрод и начвещ Баламут, начальник склада ГСМ батальона, начальники продовольственного и вещевого складов и старший фельдшер.

Играли в «храп» – упрощенную версию покера, играли на деньги, но под запись. Впоследствии я узнал, что игра эта является общебригадной пандемией, взрослые и рассудительные дяденьки сутки напролёт просиживают за картами, проигрываются астрономические суммы если игра идёт «под запись». Но никто не стреляется, потому что заканчивается всё проставкой 2-3-мя «пляшками» – 3-х литровыми банками с самогоном, производства начальника вещевого склада нашего батальона Бори Мазурёнка.

Боря оборудовал в складе производственную линию и гнал продукт в промышленных масштабах, розничная цена составляла 60 рублей за 3 литра. У Бори это был минимальный объём отпускаемой продукции. Самогон был очень высокого качества, Боря творчески экспериментировал с различными травами и ягодами и регулярно отвозил баночек этак 5—6 в Службу кадров ККВО. В итоге в 1991-м году старший прапорщик Мазурёнок был направлен для дальнейшего прохождения службы на Остров Свободы – Кубу. Интересно, из чего он гнал там?

Между тем, всё когда-нибудь заканчивается, закончилась и партия. Выигравший 500 виртуальных рублей Саша Баламут был благодушен и приятно возбуждён. Быстренько разделавшись с моими формальностями, он начал высоко художественно и артистично комментировать свою абсолютную победу.

Проигравшийся майор Миша с армянской горячностью утверждал, что Саше просто повезло, а везёт, как известно, дуракам. Старший прапорщик Мазурёнок молча улыбался и ждал. «Ну ладно, Михал Харенович, давай, так и быть, одну выставляй» – великодушно уступил Баламут. Майор Миша произнёс свою любимую мантру «Э-э, ёлинский-палинский, да?» и полез в сейф. Достал пухлый большой конверт с надписью «питание за наличный расчёт, командировки» и, продолжая причитать, извлёк из конверта шесть 10-ти рублёвых купюр и протянул их Боре. Боря телепортировался.

Сверху донеслась команда «Смирно!» Пришёл и. о. комбата гвардии майор Гензе. Поблагодарив всех присутствующих и благоухая табачным смрадом вместо утреннего английского одеколона, я поспешил на рандеву с командованием.

Гвардии майор Гензе Г. Р. оказался симпатичнейшим фольксдойче, небольшого роста, худощавый, можно сказать даже, миниатюрный, с франтоватыми усиками на круглом лице и все понимающим взглядом прозрачных серо-голубых глаз. Внешне он очень походил на своего тёзку Гиммлера в молодости, да не в обиду или в осуждение воспримутся эти слова. Ну, похож, и всё тут.

Я браво представился, он пожал мне руку и доброжелательно улыбнулся. Пригласил к себе в кабинет, моё личное дело и сопроводительные документы уже лежали у него на столе. Бегло просмотрев биографию, он удивлённо спросил: «Так Вы в Потсдаме родились?» – «Никак нет, товарищ гвардии майор, в Групповом госпитале в Белитц. В Потсдаме нахо-

дится ЗАГС, поэтому всем и писали в свидетельство о рождении, что местом рождения является Потсдам», – ответил я. «Евгений Валентинович, вне строя мы все по имени-отчеству, verabredeten?» – «so richtig, Genosse Garde major!» – выпалил я и тут же добавил: «Генрих Робертович». Гензе от души рассмеялся: «У Вас реакция хорошая и произношение правильное, не школьное. Учили язык где-то?» – «Дома, Генрих Робертович, у меня Мама в совершенстве владеет разговорным немецким».

Перешли к делу. Гвардии майор дотошно расспросил меня об уровне моей специальной подготовки в соответствие с ВУС, поинтересовался, что побудило меня выбрать военную службу и в завершении поставил перед фактом: в 1-й роте 100% некомплект офицеров, поэтому сегодня же будут два приказа по батальону: первый о назначении меня на должность командира 1-го взвода и второй – о назначении меня и.о. командира роты.

«Справитесь», – то ли спросил, то ли приказал Железный Генрих. Пожелав мне «алес гутен», он отправил меня принимать роту, которой на данный момент управлял старшина – гвардии старший прапорщик Владимир (Вилли) Токарев. А ещё, по составлению рапорта о приёме дел и должности, и акта о приёме материальной части, меня ожидало убытие на полигон в населённый пункт Пуховка, для обеспечения полевых испытаний опытных образцов изделия «Памятка -2».

Итак, напутствуемый исполняющим обязанности командира батальона гвардии майором Гензе Г. Р., я отправился принимать дела и должность сразу в двух ипостасях – командира 1-го взвода 1-й роты Отдельного гвардейского Инженерно-сапёрного батальона Специальных работ и, по совместительству, исполняющего обязанности командира этой самой 1-й роты радиоуправляемых роботизированных средств.

Управлял ротой при полном отсутствии офицеров старшина роты, гвардии старший прапорщик Владимир Александрович (Вилли) Токарев. Мужчина он был заслуженный, солидный, слегка за 40 лет. Чтобы получить представление о его внешности, вспомните артиста Броневого в роли Генриха Мюллера в киноленте «17 мгновений весны». Кстати, солдаты и сержанты батальона так его и называли: «Папаша Мюллер».

Помимо старшины, в роте наличествовал старший техник гвардии старший прапорщик Андросенко, запамятовал его имя и отчество. Но он практически всё время находился на складах с техникой строевой группы. Привалило такое счастье в нашу роту: пришли новенькие подвижные ремонтные мастерские на базе «Уралов». Чего-чего только не было в этих кунгах – от мотопил и «болгарок» до портативных бензогенераторов и ручных кран-балок.

И, хотя боксы с этими соблазнами были под охраной и обороной часового, в реальной жизни спасти от разорения это не могло. Забегая вперёд, скажу, что поступили мы в итоге, как настоящие фарисеи: всё наиболее привлекательное из машин изъяли и заперли в кладовой внутри бокса, дверь заварили точечно, а потом громко заявили о том, что разукомплектовали одну машину.

Гензе был единственным посвящённым в нашу авантюру. Назначили служебное разбирательство, которое продолжалось до моего перевода в Киев. Зато мы спаслись от очень больших неприятностей, связанных с утратой военного имущества по халатности…

Ну, так вот, начал гвардии старший прапорщик Токарев мне роту сдавать, а я, соответственно, у него принимать. Кто когда-нибудь проделывал этот фокус в таких условиях, меня поймёт. Журналы, книги и расписание занятий были в наличии, но ШДК, строевая записка и журнал боевой и политической подготовки не велись эдак с полгодика, что, в общем, понятно. Заполнены были книги закрепления и осмотра оружия, наличия и закрепления материальных средств.

Оружие принял по номерам, поштучно и по комплектности, тут всё было в порядке, оружейка радовала глаз аккуратными бирками, исправными замками на шкафах и чистым ору-

жием, что тоже понятно, его давно не трогали. Вотчина старшины – каптёрка, койки, тумбочки, табуретки, шкафы с шинелями и бушлатами и даже уборочный инвентарь – всё радовало глаз. Не радовало ни разу самое часто встречающееся в штатно-должностной книге роты слово «вакант». Рота, по сути, съёжилась до развёрнутого взвода.

Из сержантов присутствовали заместитель командира первого взвода и два командира отделений. «Замок» уходил на «дембель» этой же осенью, оба «комода» весной. Из рядовых покидали нас с осенним приказом ещё пятеро, и в роте оставалось аж пятнадцать человек при штатной численности сорок рядовых и ефрейторов и шестеро сержантов.

В Инженерно-сапёрных подразделениях роты и взвода немногочисленные. Штатной техники было немного: три «КамАЗа», две полковые землеройные машины ПЗМ-2, одна универсальная дорожная машина УДМ да тракторишка ДТ-75. Зачем в роте роботизированных средств столько разномастных бульдозеров, история умолчала. Благодаря стараниям старшего техника, все машины были комплектными и исправными.

Полевые испытания на полигоне в Пуховке проходили ещё два радиоуправляемых трактора Т-10Г6, но они числились на балансе в/ч 12093 и по штату к технике роты не относились. И Слава Богу! В общем, принял я дела и должность взводного и ротного, составил рапорт, подписали мы акты, о чём и доложил я товарищу Гензе – «Железному Генриху».

Генрих Робертович поблагодарил за оперативность и велел мне, не мешкая, убыть на полигон в Пуховку и возглавить там полигонную команду, призванную обеспечивать полевые испытания действующих макетов изделия «Памятка-2».

Доверяли в Красной Армии молодым лейтенантам, что ни говори. На полигоне меня с нетерпением ждали два майора из Нахабинского ЦНИИИ, два представителя ЧТЗ, УАЗ-«Буханка», бортовой «ЗИЛ» и семеро военнослужащих срочной службы с младшим сержантом Рахимовым во главе и поваром-азербайджанцем. В нагрузку ещё подкинули 16-ти тонный кран, два скрепера, бульдозер Т-130М и развесёлую шайку воинов-гвардейцев из инженерно-дорожного батальона нашей бригады под руководством сержанта Николая Чаушеску, простите, Идричану. Лучше бы Чаушеску. Дорожники что-то строили и отсыпали.

Настоящей вишенкой на торте были, конечно, радиоуправляемые трактора. Причём, это были даже не опытные образцы, а именно действующие макеты. Опытно-конструкторская работа имела шифр «Памятка-2» и выполнялась Киевским СКБ Антонова «Полёт» (радиолиния дистанционного управления в составе: пульты управления, приёмо-передающие устройства, аппаратура кодирования-декодирования сигналов, выходные каскады управления), а также Челябинским тракторным заводом (сам трактор, электро-гидро механическая панель преобразования сигналов управления в механическую работу по управлению органами машины). Общее руководство работами осуществлял Нахабинский ЦНИИИ, Заказчиком выступало УНИВ МО СССР.

Б. В. Громов, В.В Келпш, Е. В. Келпш (крайний справа).

На фотографии Командующий ККВО Борис Всеволодович Громов с пультом управления. Правая ручка-джойстик – управление движением трактора, управление пропорциональное, то есть, плавное. Левая ручка-джойстик – управление отвалом бульдозера или рыхлителем. На верхней панели пульта кнопки и тумблеры включения-отключения «массы», запуска-глушения двигателя, выбора рабочего органа, включения-отключения самого пульта, сбоку – разъём для зарядки аккумуляторов.

Пульт выполнен в соответствие с требованиями ГОСТ к Средствам вооружения и военной техники, то есть, пыле-влаго защищённый, противоударный и легкий, вес около 3-х кг с аккумуляторами. Исполнительная радиоэлектронная аппаратура на тракторе расположена внутри кабины, под мощным свинцовым коробом. Выведен только антенный контур и сама штыревая антенна на крыше трактора. Электро-гидропанель сзади, снаружи. Имеется возможность управлять машиной из кабины, там тоже джойстики и кнопки. На крыше сигнальный оранжевый проблесковый маячок, мигает – значит, машина на связи.

В кормовой части на штанге предусмотрена кнопка аварийного ручного глушения двигателя. Очень правильная кнопка. Дальность управления на прямой видимости составляла не менее 300-т метров. Так как это был пока ещё макет, хлопот с ним было много, постоянно зависали электро-гидравлические клапана на панели, и трактор начинал радостно «чудить» – то резво удалялся от оператора, то крутился вокруг левой, либо правой гусениц, то крушил всё отвалом, то землю пахал рыхлителем. Тут-то и наступала очередь аварийной кнопки – к резвящемуся трактору надо было подобраться и треснуть по кнопке изо всех сил. Перекрывалась топливная система, и малыш успокаивался.

В течение года у комплекса появилось техническое зрение, пункт управления «переехал» в кунг 131-го «ЗИЛа» и дальность управления выросла до 1500 м. Вполне уже не плохо, учитывая, что это были первые советские комплексы.

Испытательный полигон, он же полевой лагерь нашей бригады, находился в живописнейшем месте, близ села Пуховка, на берегу Реки Десна. Река в этом месте разделялась на два русла: основное, судоходное и широкое, и тихое, но глубокое, так называемый «старик». Там водились фантастических размеров раки и флегматичные сомы. На территории лагеря, как говорится, были все объекты инфраструктуры: железобетонные каркасы для палаток на отде-

ление, кухня-столовая под навесом на роту, кирпичное здание для размещения командного состава и учебных классов и кирпичное же здание санчасти.

Метрах этак в 200-х располагался огороженный колючей проволокой парк машин с будкой дежурного по парку у шлагбаума. Под навесом на железобетонном основании стояла передвижная дизельная электростанция, наше РАО ЕЭС и РусГидро в одном флаконе. Я и специалисты ЧТЗ разместились в санчасти, майоры из института – в административном здании, воины-гвардейцы – в палатках.

Стоял жаркий украинский август – «серпень», по ночам на Десне манила к воде длинная лунная дорожка, от сосен пахло смолой и хвоей, а по кустам шныряли зайцы в удивительных количествах. Начал я с того, что собрал своих и прикомандированных воинов, представился, доложил им свои требования к несению службы и, в целом, к организации жизни и быта в нашем маленьком отдельном подразделении. Всё, как всегда, за исключением зарядки и вечерней прогулки.

Подъем, заправка постелей, умывание и купание в Десне, утренний осмотр, завтрак, развод. Дорожники убывают выполнять свои задачи, мои солджеры поступают в распоряжение майоров и заводчан. В 14:00 мск обед, 30 минут отдых и по новой, до ужина. Ужин в 19:00, и снова трудиться, пока не стемнеет. Вечерняя поверка в 22:30, выбитый мной у начпрода вечерний чай и баиньки. К вечернему чаю шли галеты и сухари. Спали воины без задних лап, ибо вкалывать приходилось много и долго.

«Железный Генрих» снабдил меня 4-мя телефонными аппаратами ТА-57 и полевым коммутатором ПК-10, а также радиостанцией Р-159. Я распорядился перетащить грибок дневального к въезду на полигон, один телефон установил там, в дневное время под грибком изнывал один из воинов. Второй телефон воткнул майорам, третий – в палатку к бойцам, четвёртый и коммутатор – в санчасть. Радиостанция обеспечивала связь с батальоном, возле неё дежурили по очереди младший сержант Рахимов и ефрейтор Козлаускас. Для тракторов соорудили навес из брезента, ночью территорию охранял одиночный патруль, а я каждые два час его взбадривал. Продукты и топливо привозили еженедельно, вверенная техника поддерживалась в исправном состоянии, все были при деле.

Недели через две меня неожиданно вызвали в батальон, выяснилось, что мне и всем прочим молодым лейтенантам надлежит немедленно убыть на окружные сборы в учебную Деснянскую дивизию. Подменяли меня на полигоне, кто попало, а иногда и никто не подменял. Убыли мы на сборы, а помимо меня, в бригаду попали ещё два выпускника моего Училища – Вова (Дядя) Давыдовский, бывший старшина роты механиков, и Вася Днепров. Вова – к понтонёрам, Вася – к дорожникам. В наш батальон в третью роту прибыл взводным тюменец Саша Рудич, дом которого примыкал к расположению бригады, ещё один тюменец, Паша Горчаков, украсил собой дорожников, два хлопца-западенца из Каменец-Подольского Училища тоже приплыли к понтонерам. Их основная польза заключалась в том, что к ним регулярно приезжали родичи и привозили вечного голодным «летёхам» западноукраинскую ЕДУ. Очень много.

Сборы в учебной дивизии ничем особенно не запомнились, как разве что грандиозным побоищем, которое мы учинили жителям окрестных сёл, в особенности, громадзянам из Выползова. Говорят, во время войны мужчины этого села поголовно подались в полицаи. Охотно верю. Началось всё с того, что толпа аборигенов, возглавляемая дембелем-морпехом из данного Выползова, вероломно и подло поколотила выпускников КВОКУ, разведчиков. Окровавленные и оборванные, пришли они в расположение сборов, находящегося на верхнем этаже казармы школы прапорщиков.

В ответ на этот акт агрессии поднялись все сборы, все 700 человек. В колонну по десять, легким бегом выдвинулись мы к месту бранной сечи, и прошли весь военный городок, и близлежащие сёла, оставляя за спиной лишь жалкие руины и тела поверженных недругов. Под раз-

дачу попал участковый, ставший грудью на защиту односельчан. Мотоцикл его перевернули, погон лишили и исторгнули во тьму внешнюю, где были плач и скрежет зубов. Совершив акт возмездия, мы чинно и организованно убрались восвояси.

Утро началось с пронзительного выступления в лекционном зале Командующего ККВО Бориса Всеволодовича Громова, прибывшего ради такого дела на вертолёте. Но самым тяжким порицанием в его речи было лишь слово «мушкетёры», командующий порицал нас, по-моему, едва сдерживаясь от смеха. Потом, на занятиях, офицеры Учебной дивизии прямым текстом сказали нам спасибо. Народное придание гласит, что набеги несознательных граждан на расположение военного городка после этого Деснянского побоища прекратились.

Киевский этап сборов, проходивший на базе понтонного полка, оставил ощущение изжоги от оболонского пива, пару шрамов от зубов на костяшках пальцев после посещения дискотеки «Жаба», вечного недосыпа и прочих утех молодости. Деньги кончились, сборы тоже, гвардейцы разлетелись по пунктам постоянной дислокации. Я вновь отправился на полигон, к своим беспризорным ребятишкам.

А там обстановка была уже тревожная. Четыре недели, предоставленные воле рока, воины мои подраспустились. Подворотнички исчезли из обихода, на молодых лицах проклюнулась поросячья щетинка. Один из майоров исчез, выставив вместо себя несчастнейшего капитана – младшего научного сотрудника из Нахабино, второй майор исполнил команду «срочное погружение» и лёг на дно, даже не пытаясь подвсплыть на перископную глубину, в глазах одичавших заводчан читалась бескрайняя тоска по дому.

Но хуже всего обстояли дела с дорожниками. Сержант Коля забухал. Горячий молдаванский парень пил самогон, когда кончился кэш, начал сливать из своих машин солярку. Достигнув нижнего экстремума с топливом, вылакал, зараза, весь одеколон у всех. После чего подбил и мой личный состав ломануться в Пуховский клуб на танцы, суля им дармовой самогон и доступных Роксолан. А у моих спартанцев деньги-то ещё водились.

И вот, под покровом ранней октябрьской темноты, бесстыжая ватага советских воинов вырвалась на свободу. Пока мои бандерложечки двигали телами на плясках, Асмодей Идричану возжелал, подлец, дивчину местную. За что и был нещадно бит ногами в пах её братьями и прочими желающими. В это самое время Великий Космос послал мне сигнал «СОС-матросу, матросу-СОС!!!», не обнаружив орлят в гнезде, призвал я водителя «Зила», спокойного и толкового парня, взял с собой верных Рахимова и Козлаускаса, и помчались мы спасать бесславное воинство.

И поспели вовремя, потому что, превратив Идричану в половичок, громадзяне жаждали новой крови. Побросав пьяненьких воинов вкупе с несчастным молдаваном в кузов, мы экстренно покинули враждебную территорию.

В пункте временной дислокации я никого не бил. Это со всей пролетарской лютостью лишенных заслуженного сна людей делали Рахимов, Козлаускас и водитель «Зила». Идричану до протрезвления был заперт в продовольственном погребе. Бедный капитан дрожал от ужаса и отвращения, периодически всхлипывая: «Ну как же, как же Вы так…».

Утром случилась изнурительная физическая зарядка с кроссом 6 км и водными процедурами. К завтраку единоначалие и воинская дисциплина были полностью восстановлены, глаза воинов-гвардейцев смотрели ясно, движения были твёрдыми. Идричану был извлечен из погреба, я обработал его раны и передал самому толковому азиату из его сборной.

После этих неотложных мероприятий я посетил усталого майора и порекомендовал ему покинуть нас, благо, у него в пансионате «Дубрава» был номер снят. Майор не возражал. Больше я его на полигоне не видел, и Слава Богу, потому что буквально через пару недель состоялся Высочайший Визит.

Но беда, как известно, предпочитает приходить не одна. Последней отрыжкой бесконтрольной вольницы стал трагикомичный эпизод, случившийся через пару денёчков. Утром,

перед подъемом ко мне постучался косматый геолог, то бишь, наш повар. Потеряв от возмущения дар русской речи, он отчаянно жестикулировал и вращал глазами. Я пошёл за ним на кухню.

О, боги-боги!!! В главном поварском противне мерзко застыло какое-то желтоватое сало, в которое вмерзли обглоданные кости и кусочки непонятного мяса. А самое ужасное, на кустике за погребом висела, ох, сердце жмёт, висела рыженькая собачья шкурка, ранее принадлежавшая всеобщей любимице Шмоньке. Повар заплакал, я первый раз в жизни издал звериный рык. Подозреваемый в злодеянии, он же обвиняемый был только один – рядовой Магафуров, сын великого татарского народа, скромный и работящий бульдозерист.

Этот паразит исчез из расположения, видимо, переваривал где-то бедную Шмоньку. Всеобщий «Алярм!» продолжался недолго, гурмана быстро нашли и приволокли на суд. Гнев и презрение были всеобщими, поскольку мы все остались без вторых блюд, ибо повар-азербайджанец заявил, что к оскверненному противню больше не притронется. Никогда.

В отношении несчастного Маги звучали разные предложения, самым гуманным из которых было просто его утопить, и сказать потом, дескать, полез без разрешения в реку и всё. Сумрачный Козлаускас предложил повесить его на раскидистом дубе на берегу Десны, а потом ловить на его останки раков. Практичный такой лабус.

Не менее повара, страдал младший сержант Рахимов, придерживающийся в быту правил Шариата. Халяльной трапезу Маги назвать было сложно. В общем, отодрал до блеска противень содой и песочком наш кулинар, я, используя полученные в Училище навыки, прокалил его до красна в плите. Преданный остракизму Магафуров отправлен был спать под замок в погреб. Повар и Рахимов долго и усердно молились на Восток. К утру следующего дня нормальное функционирование кухни было восстановлено, однако Мага так и спал в погребе до самого конца испытаний, коллектив принять его обратно в палатку отказался наотрез.

Сумбурная и трудная неделя подошла к концу. Все устали, и я, пользуясь правами гарнизонного начальника, объявил воскресенье выходным днем. Солдаты были рады просто вдоволь поспать, постираться, посидеть на песочке у полноводной Десны. Да и нам, нежному капитану, мне и заводчанам хотелось перевести дух. Дневального на въезд на полигон в то воскресное утро я разрешил не выставлять, отдыхать, так всем.

Мы ещё нежились в койках, как вдруг… Ох, уж это драматическое «вдруг»! Короче, от пинка ноги распахнулась дверь, и в проеме возникла внушительная фигура в летной кожаной куртке, свитере и форменных брюках. Сверху была голова с красным надменным лицом. Голова открыла свой громкоговоритель и загрохотала семиэтажным матом. Мы удивленно уставились на этот сошедший с пьедестала монумент. Монумент сулил всем нам медленную, мучительную гибель на узкой полоске Вечной мерзлоты или последнем островке Курильской гряды.

Первым обрёл дар речи опять-таки я. «Вы кто такой будете, гражданин?» – строго так спросил Ваш покорный слуга. Теперь монумент перенес весь огонь на меня. А я, знаете ли, не люблю почему-то, когда на меня матом орут. Ну, вот не люблю, и всё. Выбравшись из-под одеяла и неспеша надев форму, вставив ноги в сапоги и обретя уверенность, вновь поинтересовался личностью монумента и целью его прибытия.

Монумент, шипя паром и клубясь дымом, как паровоз, важно заявил, что он – помощник военного прокурора Киевского военного округа, подполковник юстиции. А у нас бардак, и мы преступные элементы, и нам всем полный. этот самый Но он великодушен и милостив, и поэтому дарует нам жизнь и свободу в обмен на трактор с трактористом с целью спланировать его дачный участок.

А к полигону как раз прилегало окружное садоводство. Я ему резонно ответил, что трактора такого у меня нет. «Как это нет?! А что это вон там, под брезентом стоит в количестве 2-х единиц? Мотоциклы с колясками, что ли? Ты за кого меня держишь, лейтенааант! Сукин

Ты сыыыын! Как стоишь? Почему эти двое (и ткнул пальцем в заводчан) в очках и небритые? Под трибунал пойдёшь, мерррзавец!» И тут мне стало смешно. Я попытался объяснить служителю Фемиды, что трактора эти экспериментальные, что от них всякого ожидать можно, куда там… В общем, извлеченный из погреба Магафуров отправился на тракторе навстречу приключениям на прокурорский участок.

Воскресный погожий денёк пролетел быстро, ближе к вечеру мы с капитаном, заводчанами и младшим сержантом Рахимовым смотались на «буханке» в пуховский магазин за вкусняшками и галантереей. Быстро темнело. На обратном пути внимание наше привлекла странная суета в садовом товариществе. По небу скользили сполохи света, кто-то пронзительно и нецензурно кричал, что-то громко падало оземь. «Давай-ка туда», – приказал я водителю.

По мере приближения к месту армагеддона, меня всё больше и больше разбирал смех. Так и есть, Господь снизошёл к моим маленьким слабостям, и хамство со спесью были наказаны. Трактор в очередной раз «завис» на прокурорском участке, с опущенным отвалом и рыхлителем. Магафуров безучастно болтался в кабине, а безжалостный механизм вращался вокруг себя через правую гусеницу и крушил всё и вся. Забор, фонарный столб, штабель кирпича, соседскую баню, соседский же посев картофеля, неуклонно приближаясь к застрявшему в зыбком песке прокурорскому автомобилю ВАЗ-2106.

Прокурорский вцепился в баранку руля и неистово газовал – тщетно, машина садилась в песок всё глубже, безжалостный монстр был всё ближе. Всё-таки, я рожден милосердным, хотя и вредным. Быстро подбежав к трактору, я хлопнул по красной кнопке, и чудище остановилось. Прокурорский на дрожащих ножках вывалился из своего авто. Вокруг грозной стеной стояли потерпевшие соседи. «Та-ак, понятно», – артистично возгласил я. «Вы, гражданин, испортили секретную, дорогостоящую, ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНУЮ ТЕХНИКУ!!!!!» – давая волю своему стёбу заорал я. «Это Вы теперь под суд пойдёте, нет, даже побежите! Особый отдел по вам рыдает!»

Не буду утомлять Читателя подробностями, но более никто и никогда не смел нарушить плавное течение опытной эксплуатации действующих макетов, а председатель товарищества издали раскланивался со мной, первым.

Как я уже упоминал выше, вскоре случилось у нас Высочайшее Присутствие, то есть своим появлением нас удостоил Командующий Краснознаменным Киевским Военным Округом генерал-полковник, Герой Советского Союза Борис Всеволодович Громов. Накануне вечером к нам примчались Зампотыл батальона гвардии майор Миша, кормилец и одевалец Саша Баламут, отделение солдат с граблями и краской и начальник ПХД дорожного батальона гвардии старший прапорщик Коля Кравчук.

Грибок дневального покрасили, палатку поменяли на новую, всем срочно выдали чистое бельё, воинов-гвардейцев подстригли. Территорию убрали под грабли. Кравчук сменил повара у плиты, появились вкусняшки: сгущёнка, сало, квашеная капуста и солёные помидоры. Всё было вымыто, выметено, шайка дорожников эвакуирована в бригаду. В воздухе звенела струна взволнованного ожидания.

Утром под грибком занял позицию образцовый Козлаускас, Рахимов бдел у радиостанции. Около 10-ти утра брякнул «тапик»: ЕДУТ!!! Заводчане ночь отколдовали у одного из тракторов, сейчас он стоял на зелёной лужайке и ждал звёздного часа. На въездной дороге запылили два «Уазика» и лихо тормознули возле меня. Из первого вышли Громов и мой Отец (они с Б.В. старинные товарищи по Афгану), из второго начальник Политотдела бригады, порученец Громова и майор, обвешанный фотоаппаратурой. «Смиирна! Товарищ генерал-полковник! Личный состав полигонной команды проводит полевые испытания инженерной техники! Начальник полигонной команды гвардии лейтенант Келпш!» – громко и торжественно, как протодьякон с амвона, провозгласил я. Поздоровались, Отец заговорщицки мне подмигнул. Доложил Борису Всеволодовичу ТТХ машины и область её применения.

Повесив себе на грудь пульт управления, и, с замирающим сердцем включил «массу» и нажал кнопку «пуск». Трактор выпустил из выхлопной трубы клубочек сизого дыма и радостно зарокотал дизелем. Поехали вперед, потом назад, покрутились на месте, передвинули отвалом кабельную катушку. Всё, стоп. «А ну ка, давай теперь я», – сказал Громов, я передал ему пульт, объяснил, на что нажимать. Борис Всеволодович запустил двигатель и погнал трактор на 200 метров, всё работало, как ни странно, замечательно. Фотограф порхал вокруг нас с фотоаппаратом, и мы вместе вошли в Историю. Потом они с Отцом и свитой удалились на берег Десны вспоминать минувшие дни и битвы, Кравчук потчевал их ухой и шашлыком, а мы дружно выдохнули.

Потом они уехали, а вскоре я получил первое офицерское поощрение – благодарность от Командующего ККВО, Рахимов стал сержантом, Козлаускас – младшим сержантом, остальных поощрили властью комбата, что тоже неплохо. Вскоре закончились испытания, мы вернулись в батальон, и потекла повседневная военная жизнь, полная трудов, забавных приключений и снова напряжённых усилий, чтобы выполнить свою основную боевую задачу – поддерживать вверенное подразделение в постоянной боевой готовности.

Глава 2. Медаль за бой, медаль за труд нам всё равно не отдадут…

Заканчивался золотой киевский октябрь, закончились и полевые испытания действующих макетов изделия «Памятка-2». Радиоуправляемые трактора до особого распоряжения встали в боксы, личный состав вернулся в расположение. Казарма, в которой располагался наш батальон, хоть и была пятидесятых годов постройки, по своей комфортабельности превосходила все подобные строения, которые я встречал позднее.

Во-первых, она была просторной и светлой, с высокими потолками, места и воздуха хватало. Первая и третья роты размещались на втором этаже, койки стояли в один ярус. Во-вторых, в расположении были душевые и горячая вода. В-третьих, в здании хватило места всем подразделениям и службам батальона, в полуподвале находились тыл батальона, финансовая часть и телефонный узел, а также учебные классы и большой спортивный зал, на первом этаже кабинеты командира батальона, начальника штаба, заместителя по политической части, ЗНШ, строевая часть батальона и актовый зал, по совместительству служивший общей батальонной Ленинской комнатой, помещение дежурного по батальону. На втором и третьем этажах размещался личный состав, располагались канцелярии командиров рот и комнаты командиров взводов, оружейные комнаты, кладовые, умывальники с туалетами, бытовые комнаты.

Такое компактное размещение было очень удобным, все батальонные службы под рукой. Только вотчина Заместителя по вооружению – техническая часть, находились в Парке боевых машин. Первый Отдельный Гвардейский Инженерно-сапёрный батальон специальных работ состоял из трёх рот: первая – радиоуправляемых роботизированных средств, два взвода, и.о. командира роты и командир первого взвода – Ваш покорный слуга, вторая – специальных работ – три взвода, самая многочисленная рота, имевшая на вооружении тяжёлую гусеничную инженерную технику в количестве 30-ти единиц и по два экипажа на каждую машину. С водителями автомобилей транспортной группы насчитывала около девяноста человек личного состава, из которых 2/3 – сыны Средней Азии.

Командир роты – «афганец» гвардии старший лейтенант Петя Овчинников, родом из-под Ивана-Франковска. Закончил Каменец-Подольское Училище, десантную роту. Начинал службу в Десантно-штурмовой бригаде, потом командовал группой охраны В. И. Варенникова, в ДРА отбыл два срока по собственному желанию, имел две «Звёздочки», «Отвагу», «За БЗ» и все прочие положенные регалии, после тяжёлого ранения был списан из ВДВ в Инженерные Войска.

На описываемый период взводный у него был один – только что заменившийся из Чехословакии старший лейтенант, грамотный и очень добродушный офицер. Третья рота – инженерно-сапёрная, два взвода. Командовал ротой Витя Федотов, невозмутимый гвардии старший лейтенант, питомец ТВВИКУ. Его рота была немногочисленной и самой укомплектованной командными кадрами: в роте и командир взвода присутствовал, Саша Рудич, тюменский выпускник 90-го года, живший в частном доме через забор от бригады, и старшина, и старший техник.

Ещё в батальоне имелись отдельные взвода – ремонтный и материального обеспечения, и отделение связи, в котором служили девушки-телефонистки. Девушки были весьма хороши и высоко котировались у солдат и сержантов 3-го и 4-го периодов службы, в связи с чем, пользоваться телефонной связью в ночное время считалось бестактным.

Командовал батальоном гвардии майор Владимир Николаевич Кунцевич, внешностью очень напоминавший портреты Николая I-го с усами, Штаб батальона возглавлял гвардии майор Гензе Генрих Робертович, тыл – гвардии майор Миша Саакян, окормлял нас идеологи-

чески и политически гвардии майор Бантюк, а вот фамилию зампотеха я напрочь забыл, хотя личностью он был весьма своеобразной.

313-я Отдельная Гвардейская Берлинская Инженерно-сапёрная бригада специальных работ имела окружное подчинение, дислоцировалась в Броварах, и состояла из четырёх отдельных батальонов: нашего 1-го ОГвИСБ Специальных работ, Отдельного гвардейского инженерно-дорожного батальона, Отдельного гвардейского понтонно-мостового батальона и Отдельного гвардейского батальона полевого водоснабжения, плюс подразделения материально-технического обеспечения, химики, разведчики, связисты и рота управления. Основная задача мирного времени – ликвидировать последствия техногенных аварий и природных катаклизмов.

В зоне отчуждения ЧАЭС постоянно находились наши подразделения и занимались рекультивацией территорий. Почти все офицеры и прапорщики прошли и Чернобыль, и зону землетрясения в Армении, привлекались к инженерному обеспечению ввода войск в Баку в феврале 1990-го года, помимо этого постоянно обеспечивали окружные учения и занимались разминированием. В общем, в каждом причинном отверстии подразделения бригады играли роль затычки.

В связи с этим в бригаде сложился весьма своеобразный коллектив и климат. Напугать офицеров и прапорщиков было сложно, подхалимаж и стукачество искоренялись на корню. Присутствовал этакий бесшабашный «пофигизм», но в разумных пределах. Заслужить доверие и уважение можно было самоотверженным трудом, умением вовремя прийти на помощь товарищу и держать язык за зубами.

Кромешных разгильдяев довольно быстро изживали, любители вылизывать начальству интимные места убегали сами. Мне как-то раз пришлось три раза подряд, без замены, отстоять дежурным по батальону, подменяя загулявших «афганцев», и это существенно повысило мой рейтинг нормального войскового офицера.

Нас, вновь прибывших в бригаду офицеров, на первое время разместили в спальном помещении кадрированного батальона, расположение которого находилось в этой же казарме, но вход был с тыльной стороны. Помимо выпускников училищ, были ещё офицеры, заменившиеся из Групп войск.

Поначалу колхоз был знатный, обобществлению подверглось практически всё: модные гражданские шмотки, плееры и кассеты, посуда, чайники, чай, сахар, кофе, еда. Умывальник и санузел были жутковатые, но мы ходили принимать душ ко мне в роту. В углу спального помещения стоял перманентно накрытый стол, на котором иногда появлялись крепкие напитки. Выспаться нормально в этом фаланстере было непросто, потому что кто-то видик смотрел, кто-то в карты играл, кому-то посреди ночи приспичивало чаю попить.

Но самый жёсткий хардкор, не желая того сам, учинил всё-таки я. Дело в том, что перед отправкой на сборы молодых лейтенантов у меня почти закончились деньги. Дело житейское. А в Киеве, в Конвойной бригаде внутренних войск, помощником инженера бригады служил мой старший училищный друг Аркадий Касьяненко (нынче он священник). Петрович вырос в военном оркестре, начальником которого был его отец. Играл он на всём, из чего можно извлекать звуки, а парень-то был совсем нехрупкий, гиревым спортом занимался.

В Училище он был бессменным соло-гитаристом в курсантских группах, а я – солистом. В Киеве я частенько у него гостил, гнали мы на кухне самогон посредством аппарата, изготовленного обитателями ИТУ, да песенки всякие пели, иногда придумывая их на ходу.

Так вот, поняв, что денег у нас у обоих негусто, взяли мы гитару, шляпу с широкими полями, баллончик «Черёмухи» да телескопическую дубинку конвойную, так, на всякий случай. И бодренько отправились в «трубу» – длиннющий подземный переход под площадью Жовтневої революції. Так в то славное время назывался нынешний Майдан Незалэжности. Четыре часа веселили мы проходящую публику, благо, августовский вечерок был на славу.

Хотите верьте, хотите нет, но «налабали» мы аж 360 советских рублей, больше, чем моё денежное довольствие за месяц. А самым цимесом была девушка Таня из города Жданова, которая самым разбойным способом меня «сняла».

Хорошая такая девушка была, доченька комбата-майора, училась в педагогическом. А вообще, мне почему-то на Украине везло на Тань, но это история следующая. Распихали мы кэш по карманам, Танечка у меня на руке эдак элегантно висела, и тут подошли к нам мальчуганы в спортивных штанах и кожаных курточках из кусочков и предложили уплатить 50%-й налог. Петрович, не откладывая развязку надолго, попшикал «Черёмухой», я дубинкой поработал, Танечка повизжала немного от восторга девичьего, после чего мы оперативно удалились на такси.

А мобильных телефонов-то не было тогда, и социальных сетей тоже. Расстались мы с Таней вскорости нежно, думали, навсегда. Не тут-то было. Между нежностью и сексом очень зыбкие границы, оттого весёлым кексам просто в жизни заблудиться! В киевский период сборов встретились мы с Танюхой в Гидропарке, на пляже молодежном днепровском. Формат армейских мемуаров не позволяет описать встречу в подробностях, я был под шофе, Таня соскучилась. Не было никаких комплексов у советской молодёжи в описываемый период времени, никаких и совсем. И вспыхнул наш осенний роман с нешуточной силой, Татьяна в понтонный полк, где мы жили, приезжала на КПП каждый вечер. Киев ночной раскрывал нам, свои объятия, а днём я спал везде, даже за рычагами боевых машин. Дошло дело до полного андерграунда в виде койки в бытовой комнате нашей казармы, дасс…

Ну да ладно, и это прошло. Нёс я службу уже в бригаде броварской, вспоминая лишь иногда эту Девушку из Нагасаки (замечательная песня в исполнении Джеммы Халид). Как-то, в начале ноября, сдаю я, значит, караул Паше Горчакову, и тут телефон звонит с КПП: «Товарищ гвардии лейтенант, к Вам девушка приехала». И конечно же, зовут её Таня, то ли девушку, а то ли виденье… Как она меня нашла, непонятно. Ладно, провёл я её предерзостно на территорию воинской части, в кибуц наш не вполне кошерный. Повезло, народ отсутствовал. А часть офицеров к этому времени уже съехала, семейные квартиры сняли, так что оставалось нас там человек пять.

Ну, Таня решительно так инициативу в свои нежные ручки взяла, а после караульных суток даже молодой организм хочет СПАТЬ! Куда там… В период короткой паузы между девичьими порывами раздалось топанье на лестнице и грохот в запертую дверь – гвардейцы с вечерних мероприятий спать пришли. Дальнейшее описывать не буду. Могу только одно сказать: хмурым ноябрьским утром измочаленные гвардейские лейтенанты усадили гарну дивчину в таксомотор и дружно перекрестились.

Вообще, весело жили мы в это славное времечко. Как выпадет денёк выходной, так и увлекут нас кони на Крещатик, в одноименный бар, а настойку «Мицну» мы с собой принесём, по коктейлю возьмём для приличия, и давай с людьми знакомиться, кругозор расширять. То с художником заслуженным и его натурщицами зажжём, то с бандитами – разнообразный народ нам попадался. Но это всё, так сказать, неслужебные темы. «А настоящий подводник думает о кораблях!» – как поёт товарищ Гальцев.

Примерно в это же время случился мой первый визит в недоброй памяти город энергетиков Припять. Как-то вечером приехали в бригаду неожиданно два Валентина – Начальник инженерных войск ККВО В. М. Яремчук и мой Отец. Пообщались накоротке с комбригом, выловили меня, и укатили мы ужинать к Валентину Мефодьевичу. А с утра пораньше поехали мы с Отцом в турне по живописным радиоактивным местам – сначала в город Чернобыль, потом в саму Припять.

Отец проводил совещания с энергетиками и с руководством организаций, занимавшихся мониторингом ситуации на ЧАЭС и дезактивацией объектов. Больше всего удивила организация «Спецатом», расположившаяся в самой Припяти. А в этом «Спецатоме» вообще сознание

вздыбило обилие молодых, симпатичных женщин в «афганках» и с дозиметрами на лацканах. И глаза у всех воспаленные, красные.

Ладно, мужики, пенсионеры военные, работали в этой конторе вахтовым методом, две недели на объекте, две дома. Денег получали много – в среднем, по 800-т рублей в месяц плюс командировочные и проезд на ведомственном транспорте. И всякие блага: видеомагнитофоны да холодильники иностранные, машины без очереди. Люди работали для детей и внуков, на износ. Но женщины! Им-то какого рожна там надо было? После нескольких месяцев работы в Припяти кого они смогли бы родить? И смогли бы?

От Чернобыля до Припяти шоссе, как взлётно-посадочная полоса в аэропорту Борисполь, и грунтовый «дублёр» рядом, для гусениц. Проезжали мимо самой АЭС, мимо рыжего леса. Вскоре во рту появился противный металлический привкус, голову сжало, как обручем. Припять – вот уж Град Обреченный. Красивые, современные дома, широкие улицы и – никого.

На балконах кое-где уже появились молодые деревца, радиоактивный Лес беззвучно наступал на город, на улицах которого уже четыре года горели желтым светом фонари. Потрясло объявление у Дома культуры энергетиков. Добротный такой стенд, застекленный, а под стеклом афиша: «26-го апреля в ДК Энергетиков состоится дискотека „Сталкер“» Накаркали, юмористы хреновы, дискотека получилась в масштабе страны и на многие годы.

ЧАЭС после аварии.

Посовещались в «Спецатоме», специалисты этой организации участвовали в формировании тактико-технических требований к комплексу «Модуль», поехали назад, в Чернобыль. Там снова совещание, энергетикам очень нужна была дистанционно управляемая инженерная техника и личный состав для рекультивации территории. В помпезной столовой отобедали традиционным борщом и огромными стейками из лосятины. О происхождении последней думать не хотелось. К вечеру вернулись в Киев, Отец спешил на поезд в Москву, я отбыл в бригаду. На душе было муторно и болела голова, белки глаз покраснели.

Повезло застать нашего самогонного гения Борю Мазурёнка на месте, он, посмотрев на меня, только головой покачал и молча вынул из шкафа литровую бутыль. После 300-т грам-

мов 60-ти градусной хлебной отпустило. А Отец был на ЧАЭС с первых дней катастрофы, это под его руководством строили саркофаг, знаменитые снимки четвертого блока, сделанные с вертолёта, хранятся у нас дома в оригинале, в этом вертолёте Отец облетал станцию. Чернобыль догнал его уже в 2000-м году. Он сгорел менее, чем за год, Царство ему Небесное и Вечная Память.

А служба, между тем, продолжалась. После осеннего приказа и демобилизации отслуживших воинов, в роте стало совсем пустынно, товарищ «Вакант» стал самым массовым персонажем в ротной ШДК. Бойцам приходилось отдуваться за себя и пару-тройку «тех парней», возникли сложности с суточным нарядом, если дневальных меняли регулярно, то сержантам – дежурным приходилось иногда нести службу по двое суток подряд.

Вот в такое напряжённое время, в воскресный день, бдел я в качестве ответственного по батальону. И тут случился грандиозный «кипиш» – нежданно – негаданно в батальон «свалился» этап молодых специалистов из учебной части 67665 в Тапа. Мне следовало их разместить, накормить, а в понедельник за ними должны были приехать «покупатели» со всех частей Киевского Краснознаменного Военного Округа. Пока суть да дело, рассадил их в актовом зале батальона. Сопровождающий капитан вручил мне списки личного состава, сопроводительные документы, и был таков.

Я доложил комбату, он долго и виртуозно говорил по-французски и вскорости бодренько прибыл в батальон. Вызвали интендантов, подготовили для бойцов то самое спальное помещение, где незадолго до этого холостяковали мы, вновь прибывшие офицеры. Я спросил Кунцевича, есть ли разнарядка на наш батальон? «Да бес его знает, должна быть», – обнадёжил меня гвардии майор. Убедившись, что воины будут накормлены и спать уложены, комбат удалился домой, строго-настрого наказав мне от молодых не отходить, дабы никаких неуставных пакостей не допустить.

Сводив детишек в столовую, снова рассадил их в актовом зале, сам уселся за столом на сцене и задумчиво уставился в зал. Механики-водители, бульдозеристы, экскаваторщики… Зеленые «афганки», вещмешки к груди прижаты, глаза испуганные, лица полудетские. В основном, Чёрное море – абсолютно Средняя Азия, и редкие светловолосые светлолицые островки.

И тут меня озарила сногсшибательная идея. Стараясь не думать о последствиях, и вообще, не думать, я отдал команду, за которую в нынешнее время можно и под статью «экстремизм» попасть. Короче, «Все белые – встать!» – скомандовал я. И, не давая себе и им опомниться, продолжил: «С вещами, на второй этаж бегом марш!» Началась возня, задвигались, затопали десятки ног.

Собрал их возле каптёрки, послал за старшиной. Вещмешки в каптерку, военные билеты и удостоверения классных специалистов мне. Продовольственные, вещевые, денежные аттестаты старшине. Он, увидев эту картину маслом, только присвистнул и живенько принялся бойцов размещать, благо более половины коек в расположении пустовали.

Внимание моё привлёк серьезный, коренастый сержант, явно, не первого периода службы. Пригласил его в канцелярию, сержанта звали Герман Германович Эрб, мама немка, папа – литовец, МС по боксу, в Тапа он был заместителем командира учебного взвода, старшим сержантом. Его курсантиков обидели действием посторонние сержанты, за что были Германом нещадно биты, а благородный нордический парень понизился в звании и был из учебки изгнан. Назначил его старшим над молодым пополнением, воинов сводили в душ, пересчитали по головам и уложили баиньки.

А я уединился в канцелярии и приступил к изучению личного состава. Мама дорогая! Из всех двадцати с лишним похищенных мной военнослужащих у считаных единиц местом призыва была НЕ Прибалтика. Даже совершенно нейтральный Вася Смирнов и тот призвался из Риги, и в графе национальность красовалось «латыш», ещё там был кошерный литвин Ива-

нас Коробейников, некий загадочный Эдвин Букофф (как выяснилось, изначально это был Эдик Буков, но тяга к этническим корням победила здравый смысл), сельский добряк Раймондас Козулис и прочая, и прочая, и прочая.

Из русско-украинско-азиатской рота моя превратилась в железную дружину балтийских стрелков, этакий фрайкор. Утро понедельника обещало быть томным, и оно не обмануло моих ожиданий, когда начали стекаться офицеры-покупатели. Но комбат подставил мне своё крепкое плечо, и почти всех воинов мы отстояли, и, самое главное, Германа Справедливого. В нагрузку мне всё-таки вручили парочку улыбчивых казахов и одного загадочного туркмена, но, в целом, моя авантюра с рейдерским захватом молодого пополнения прошла успешно. Вот не было у меня страху в молодые годы, возможно, от неопытности, или ещё от чего.

Итак, моя нахальная авантюра с доведением численности вверенного мне подразделения до почти штатной, как ни странно, закончилась успешно. Вскоре прибыли ещё воины из Ахтырки, Волжского, Деснянской дивизии. Мне добавили молодых призывников из Черниговской и Полтавской областей, немного, по два человека с каждого потока. Прибавилось штыков во 2-й и 3-й ротах. Молодые, не приведённые ещё к Присяге, находились на «карантине» и проходили КМБ при нашем батальоне. Ответственным назначили меня, я подтянул Эрба (Германа Справедливого), Казлаускаса и проверенного Рахимова.

Во временном учебном взводе было 23 молодых воина, ЗКВ я назначил Германа Эрба, командирами отделений – Рэмунаса Казлаускаса и Рустама Рахимова. Герману вернули звание старшего сержанта. Поселили взвод в расположении моей роты, поставив для них койки в два яруса. Постепенно налаживалась плановая работа: я успевал проводить занятия с будущими гвардейцами и заниматься повседневными делами роты, готовиться к новому учебному периоду и к приведению к Присяге новобранцев.

Довольно неожиданно у нашей 1-й гвардейской роты появился штатный командир – гвардии старший лейтенант Серёжа Тамарский, переведенный на повышение из батальона полевого водоснабжения. Был он выпускником третьей роты механического факультета нашей родной Ждановки, калининградцем, по выпуску попал в Группу войск в Монголию, о чём вспоминал со смешанным чувством иронии и отвращения. Понять можно – человек, выросший на курортном берегу Балтийского моря в степях чингизидов ощущал себя довольно странно.

К тому же, был он счастливым супругом красавицы-жены, тоже калининградки, и обладателем двухкомнатной квартиры в городе-герое Киеве. Из «отягчающих» семейных и бытовых обстоятельств имелись папа в Калининграде – загадочный полковник УВКР КГБ СССР и автомобиль «Иж – комби». Короче, Сергей искренне считал, что служебный долг Родине отдал сполна, роту принимать у меня не стал, в первый же день совместной службы подал рапорт на увольнение, пожал мне руку, пожелал успехов и пригласил без церемоний приезжать к ним с Оксаной в гости на семейные ужины…

В расположении батальона появлялся он один раз в неделю, иногда снисходя до несения службы дежурным по нашей отдельной гвардейской воинской части. Надо отдать должное мудрому комбату – он, не дожидаясь кадровых решений, которые в те времена созревали долго и мучительно, вывел Тамарского за штат, меня переназначил Приказом «Исполняющим обязанности», чем сохранил мне денежное довольствие ротного. В общем, жили мы так, не тужили, ежедневно внося посильный вклад в повышение боевой готовности, укрепление обороноспособности и воинской дисциплины.

А воинская дисциплина, между тем, понималась частью военнослужащих срочной службы третьего и четвертого периодов весьма и весьма специфически… Особенно в азиатской 2-й гвардейской роте специальных работ. Надо сказать, никак она, дисциплина воинская, там не понималась, в отсутствие грозного командира роты власть переходила в лапы нойонов и нукеров, взвода и отделения превращались в улусы, общность народов Советского Востока расползалась на жузы, кланы и просто шайки негодяев. Учитывая отсутствие в подразделе-

нии замполита и двух из трёх положенных командиров взводов, усмирять этих ордынцев было некому.

Не каждый ответственный по Бригаде мог рискнуть подняться на третий этаж, в этот Халифат, после команды «Отбой». Да и батальонные офицеры частенько ограничивались внешним осмотром дневального по роте, не портя себе настроение путешествием по закумареным конопляным дымом расположению и каптёркам. Я, в свою очередь, будучи дежурным или ответственным, неистово исполнял обязанности доброго наставника при помощи черенка от большой сапёрной лопаты БСЛ-110, виртуозного владения родным языком и бесценного опыта потомственного солдафона, детство которого прошло в казарме… Спасибо Папе.

Кстати, Отец, насколько я помню его в батальонном звене, никогда на подчиненных не кричал. Наоборот, он понижал голос и как-то утробно рычал или урчал, что ли. Но солдатики гнева его боялись несказанно и старались до греха не доводить.

Отец научил основным принципам руководства солдатами срочной службы: не врать подчиненным, не оскорблять и не унижать, не срывать своих эмоций, давать солдату всё, что ему положено и уметь требовать это положенное с интендантов, при необходимости, отдать солдату свой СРП, или закупить принадлежности или дополнительное питание для подразделения за свои «кровные», не отдавать необдуманных распоряжений и приказов, а отдав, любой ценой добиться исполнения, умело сочетать принуждение, наказание и поощрение, не иметь любимчиков среди личного состава, быть честным и исполнительным офицером, во всём быть методичным, настойчивым и последовательным. Просто, не правда ли? Чтобы в 23 года изо дня в день так жить, надо иметь стальные нервы и 300 с хвостиком лет воинской династии.

Одним словом, несмотря на то что я был во всех смыслах молодым офицером, «совет старейшин» Халифата меня признавал и в меру необходимости, подчинялся моим распоряжениям и приказаниям. Тем более, что дальше элементарного выполнения требований распорядка дня и здравого смысла, мне вторгаться в их общинно-родовой уклад этой самой необходимости не было.

И всё бы оно было ничего, но однажды ночкой тёмною, непогожею, шайтан товарищей азиатов попутал, перекурили они каннабиса окаянного, пережевали насваю ядовитого. Кому-то из нойонов в голову затуманенную идея гениальная пришла: спуститься с гор, то бишь с третьего этажа на второй, и «построить» мою светлоголовую 1-ю роту, а заодно и молодых погонять, потешить удаль неутомимых всадников без головы.

Момент для нашествия выбрали правильно: дежурным по батальону заступил робкий гвардии старший прапорщик пенсионного возраста. Петя Овчинников, командир этой роты легендарной, в командировке на полигоне технику грузил с ремонтным взводом и лучшими своими мехводами, единственный командир взвода после вечерней поверки отбыл в город Бровары, на съёмную квартиру. Я тоже спать пошел в квартирку нашу холостяцкую, в дом офицерского состава в бригадном военном городке, где, усилиями комбата, койко-места нашлись и Петру Овчинникову, и мне.

Жил с нами ещё гвардии старший прапорщик Саша Розум, командир взвода материального обеспечения роты управления Бригады. Благодаря ему, сало солёное и копчёное, капуста квашеная, консервы «Завтрак туриста» и сгущёнка у нас не переводились. Но Саша вскоре зазнобу нашёл в Броварах, и вечерами её развлекал, на квартирку наведывался редко. Так вот, пришёл я, значит, домой и, предвкушая заслуженный отдых, чаёк попивал да галетами пайковыми со сгущёнкой закусывал. Хорошо было, спокойно так на душе, забрался я в кроватку, освещение выключил, припомнил задачи инженерного обеспечения боя в обороне и, на 7-й или 8-й задаче, крепко заснул…

И снится мне сон тревожный, будто сигнализация звуковая от вскрытой оружейной комнаты звонит-надрывается, и голос чей-то далёкий, отчаянный, всё какого-то «таварища лейтенанта» зовёт. На каком-то мгновении сна реальность вломилась в сознание и наконец вклю-

чила его: надрывался звонок на входной двери, кулаки и пятки барабанили в дверь и орал истошно на лестничной площадке посыльный. Распахнул я двери и увидел узбечонка перепуганного, с глазами распахнутыми и круглыми. Пальчиком он в сторону расположения тыкал и всё пытался мне объяснить что-то, но получалось не очень, примерно так: «таварища лейтенанта гвардия, ой, таварища гвардия лейтенанта, тама, тама.. Писеец! Ой, писеец тама…»

Спорткостюм, Петины прыжковые берцы, пару взрывпакетов и презентованный однокашником по Училищу, служившим в конвойной бригаде ВВ, баллончик «Черёмухи». Всё, погнали, благо, до казармы метров 200. Вбегаем мы с посыльным на плац строевой перед расположением нашего славного батальона, и вижу я картину апокалиптическую: окна 2-го и 3-го этажей распахнуты, по газону люди в исподнем ползают, из окон вой несётся гибельный и тени пляшут страшные. Бегу, себя не помня, в роту свою кроткую, супостатами в отсутствие моё поруганную. Успеваю боковым зрением зафиксировать дежурного по батальону, схоронившегося в дежурке за сейфом с пистолетами.

Влетаю на 2-й этаж – никого, окна на распашку, всё вверх дном, с коек дужки спинок сорваны, сапог и ремней поясных нет. Сверху – грохот страшный и вопли, плач и скрежет зубов. Бегу в «Халифат», а там действительно, пушистенький такой северный зверёк из отряда хищных и семейства псовых…

Включив иерихонскую трубу, бросаю в гущу бранной сечи взрывпакет, тут же в выломанную дверь каптёрки – второй. «Бах-Бах!!!» Вспышки, гром, клубы дыма. Продолжая неистово орать, готовлю к применению СДЯВ, но не потребовалось. Побоище прекратилось, и взору моему лютому предстала картина, достойная кисти художника-баталиста, из цикла «подлинная история полного разгрома татаро-монгольского ига».

По углам, под койками, в шкафах с шинелями, просто на полу в центральном проходе жестоко страдали забывшие требования Общевоинских Уставов ВС СССР военнослужащие 2-й гвардейской роты специальных работ и примкнувшие к ним обесславленные воины отдельных взводов и 3-й роты, имеющие выраженную этническую принадлежность к Народам Советского Востока. Над ними грозно и неотвратимо, как пресловутые сомкнутые ряды средневековых тяжёлых пехотинцев, доминировали ландскнехты 1-й гвардейской роты радиоуправляемых роботизированных средств, имеющие в левой руке щит – табурет, в правой – дужку от спинки кровати. Лёгкая пехота зловеще помахивала поясными ремнями.

У прибалтов были глаза и лица берсерков, объевших рощу с мухоморами, фольксдойче Герман Справедливый бился безоружным, олицетворяя тевтонскую ярость. Бедные, бедные наивные азиаты, какую вековую жилу вулканическую они разбудили! Не учили их истории Великого княжества Литовского и немецких военно-религиозных орденов, не поняли они, что великаны белокурые и светлоглазые только с виду такие белые и пушистые, и что это только говорят и кушают они неторопливо, а вот лупят обидчиков очень даже сноровисто, и чувство национальной идентичности, а по-простому – землячество, развиты у них столетиями борьбы и очень обострённо.

Разведя противоборствующие стороны по расположениям, дал своим команду «построение через 10 минут в центральном проходе, форма одежды №4», спустился в дежурку, извлёк из схрона дежурного, доложил по телефону комбату, замполиту батальона и НШ. Кунцевич распорядился сыграть обще батальонный «Алярм!» Пока собирались командиры и начальники (а время местное было около 01:30), быстренько произвёл первичный опрос участников боестолкновения.

Всё было ясно и просто: обкуренные азиаты около 24:00 прибыли в расположение 1-й и 3-й рот, подняли своих земляков и предложили всем белым вешаться, после чего попытались скомандовать: «Духи, строиться на взлётке»! Заместитель командира 1-го взвода 1-й роты гвардии старший сержант Эрб Г. Г., предложил пришельцам идти в своё расположение и выполнять распорядок дня. И был в нецензурной форме послан, после чего недисципли-

нированные солдаты начали пинать табуреты с обмундированием военнослужащих 1-й роты и «карантина» и громко на них кричать. Первыми, как и положено, поднялись сержанты и дали не всем понятную команду: «mušti azijiečius»! и понеслось…

Поначалу, балтийский фрайкор хотел просто отмутузить вторженцев и завершить воспитательную работу, но генетика взяла своё, горячие литовские, латышские и к ним примкнувшие парни быстро вошли во вкус и перенесли боевые действия на территорию супостата. Необходимо принять во внимание, что ребята прибалтийские очень дружны были со спортом, как с единоборствами, так и с баскетболом и гандболом. И «физика» у них была фактурная: Казлаускас, Козулис, Урбанис, Паулюс – великаны-баскетболисты, Коробейников, Букофф – крепыши-гандболисты, Эрб – МС по боксу…

У юрких, нахальных, но компактных азиатов шансов в этом побоище не было, да и не рассчитывали они на такой мощный и организованный отпор. Кое-кто в окна попрыгал со второго этажа, остальные были повержены уже в расположении «Халифата». Дуракам и пьяницам, а также поклонникам каннабиса, везёт, обошлось без серьёзных травм: вывихи, ушибы, растяжения, рёбра немножко поломаны, фингалы зачётные. Имущество военное тоже не особо пострадало.

Между тем, прибыли комбат Кунцевич, НШ Гензе и замполит Бантюк. Появились начальники 3-й роты в полном составе, взводный и старшина 2-й, командиры отдельных взводов. Комсомолец батальона гвардии лейтенант Крутов из Киева на таксомоторе примчался в состоянии крайнего озлобления.

Как говорится, время разбрасывать камни закончилось, наступила пора их собирать. Батальон в полном составе был построен на плацу, проверили по книгам наличие личного состава и слово взял Командир… Потом замполит. Потом НШ. Ближе к 04:30 развели шалунишек по расположениям, рядовых «отбили» и продолжили ПВР с сержантским составом и активом. НШ, тем временем, принял от меня подробный письменный рапорт о ЧП в подразделении, снял со службы горе-дежурного и преподнёс ему заслуженное Эн-Си-Си, замполит с комсомольцем в паре пили кровь взводному и старшине 2-й роты. В общем, все были при деле. За 30 минут до подъёма отпустили горемык срочной службы, и за нас приватно взялись комбат и замполит, совместив служебное совещание с открытым партийным собранием.

Отплясавшись на костях за свой порушенный сон, приняли Соломоново решение: бойцов не наказывать, мне – устный выговор за то, что… Ну, в общем, устный. Остальным – по мере вовлеченности сторон в конфликт, больше всех прилетело бедному Пете Овчинникову, который на полигоне, себя не жалея, погрузкой техники занимался. Но, ротный отвечает за всё. Ему и «строгач» в служебную карточку, и «строгач» по партийной линии, и отпуск немедленно после Нового года… С проведением оного при части. И это ветерану «Афгана», эх…

Ротному 3-й роты в той же пропорции, но без наказания отпуском. Больше всех изумился комсомолец Саша Крутов, когда ему отвесили выговор в служебную и выговор по партийной линии за слабый уровень политико-воспитательной работы в батальоне. А дома ему ещё от бати досталось, генерала Крутова, начальника Особого отдела ККВО. Суровые нравы были в Красной Армии, однако.

Надо сказать, что отделались мы всё же малой кровью, обще бригадного разбора не было, обошлось без военной прокуратуры и прочих неприятностей. Для меня эта нехорошая, в целом, история имела следующие практические последствия:

– Никто не посягал более на суверенитет моей роты, честь и достоинство её военнослужащих.

– Самым жёстким наказанием для вверенных мне воинов было изгнание из воинского коллектива в другое подразделение, и, наоборот, когда хотели солдатика уберечь от «неуставняка», его переводили к нам. Иногда это порядком доставало.

– Вокруг моих балтийцев сложился нормальный коллектив, в том числе, и ребят из других подразделений батальона, тех, кто хотел спокойно отслужить и уйти домой с положительной характеристикой.

– Мой личный рейтинг с этого момента уже позволял мне руководить ротой дистанционно, работая с сержантами и неформальным активом, все субботы и выходные я и Саша Крутов поделили в качестве заслуженных ответственных по батальону.

– К нам на перевоспитание стали «подбрасывать» товарищей из аппарата ККВО, что тоже не радовало, но имело свои организационные бонусы.

В частности, из спортивной роты Округа продан мне был в дисциплинарное рабство славный парень из города Еревана, перспективный греко-римский борец, имевший неистребимую тягу к дому. Из каждого очередного побега его обратно привозил родной дядя, уважаемый человек, после пятого эпизода юношу доверили мне. Я дядю сразу пригласил в гости, не дожидаясь привычного повода. Дядя снял квартиру в Броварах и пробыл с нами до печальных событий августа 1991-го года, после которых оба достойных представителя армянского народа законно покинули пределы УССР.

Ну, а жизнь и служба, между тем продолжались. В самом начале мокрого и холодного украинского месяца груденя получил командир батальона привычный для нас приказ сформировать из личного состава рекультивационную команду, назначить старшего, которому предстояло дополнительно принять у инженерно-дорожного батальона соответствующую технику и людей, и отправить эту сводную группу на границу Чернобыльской зоны отчуждения с целью проведения работ по рекультивации испоганенных территорий. Для организации взаимодействия с местными органами власти и общего контроля к нам прибыл матёрый старший прапорщик из Штаба ККВО.

Припять. Город-призрак.

Задача серьёзная, считай, почти что боевая, наведенная радиация она такая, коварная, да и вообще, любая дальняя командировка большой группы солдат и сержантов вкупе с инже-

нерной и автомобильной техникой – это потенциальная опасность по всем видам ответственности, от дисциплинарной, до материальной и уголовной, тьфу-тьфу-тьфу.

Кунцевич к делу подошёл серьёзно и старшим назначил заштатного Сергея Тамарского, нарисовав ему красивую перспективу личного ходатайства по поводу его увольнения и статуса участника ликвидации аварии на ЧАЭС в качестве дембельского бонуса. А нам за работы в ЧЗО даже в начале 90-х этот статус присваивали, ибо период полураспада у ядерного топлива очень длинный, и фонят источники альфа-бета-гамма излучения исправно.

Так вот, Серёжа поначалу согласился, подготовили Приказ по части соответствующий, отобрали бойцов из числа прибалтов и вменяемых воинов из других рот, выделили транспортную машину «Урал-4320» с тентом, дорожники представили своих солдат и технику: 2 тягача КрАЗ-255Б от тяжёлых механизированных мостов с прицепами – трейлерами, два бульдозера Т-130М, КАМАЗ-самосвал. До отъезда оставалось пару суток, и тут Сергей включил заднюю передачу и отбывать в ЧЗО наотрез отказался. В итоге, поехал я с командировочным предписанием, в котором было указано всё, кроме личности командируемого. И в Приказе батальонном осталось место для внесения данных счастливчика.

Бойцам выдали подменное зимнее обмундирование и ОЗК, одеяла, усиленные СРП, сало, чеснок, лук. Я второпях особо собираться не стал, одел свитерок шерстяной и «афганку» зимнюю, захватил из закромов наших консервов разных, да и готов уже. И поехали мы…

Из ППД в Броварах, в объезд Киева на населенный пункт Ораное Иванковского района Киевской области. Там находилась Чернобыльская квартирно-эксплуатационная часть, в которой мы должны были разместиться и орган власти, в котором отмечали командировочные документы.

Ехали мы трудно и очень долго, потому что медленно: с трейлерами в колонне особенно не погоняешь. Выехали около 9:00 по Киеву, приехали в Ораное уже в ранних зимних сумерках, около 15:30, 125 км ехали более 6-ти часов. Бойцы в кузове «Урала» порядком задубели, но это был ещё не конец пути: надо было найти начальника КЭЧ и решить вопрос с размещением. Мудрый старший прапорщик эту миссию взял на себя, воинского начальника нашли в сельсовете, там же и все документы оформили сразу, то есть поставили подписи, скрепили печатями, остальные мелочи на наше усмотрение.

В Чернобыльской КЭЧ находились постоянно её начальник – худющий подполковник с воспаленными глазами и нездоровым коричневым цветом кожи, а также четверо вольнонаемных: водитель ММЗ, кочегар, электрик и сантехник, он же сварщик. Люди получали очень приличные зарплаты и стремительно теряли здоровье. Загнали мы технику на территорию части, пошли размещать личный состав и сами угол себе искать. Тридцать лет прошло уже с той поры не весёлой, а перед глазами всё стоит этот Клондайк перманентно радиоактивный, эта разруха, грязь, холод и отдаётся болью в суставах убитых нечеловеческая усталость этих трудных дней и ночей.

И пошли мы за энергичным начальником КЭЧ размещать личный состав и размещаться самим. Территория этой воинской части впечатляла всем: и своими размерами, и громадным количеством материальных ценностей, сваленных в кучи и сложенных в штабеля, и, самое главное, своим безлюдьем.

Как я уже говорил, вместе с подполковником-командиром этой части-призрака, в ней присутствовали аж четверо вольнонаёмных специалиста широкого профиля: кочегар, водитель, электрик, сантехник-сварщик. Впрочем, эти тёртые жизнью люди умели абсолютно всё, в такой «автономке» они были года так с 1988-го…

Командир привел нас к ангару из фортификационной волнистой стали и радушно распахнул врата ада: «Располагайтесь, размещайтесь, вещи положите и прошу всех с дороги горячий душ принять. Где – вот, Микола покажет. Только запомните, товарищи начальники и бойцы: ходить можно только там, где верёвки с флажками натянуты, даже внутри этого

ангара. Из ангара выходить лишний раз не советую, тем более шастать по территории. Здесь уровень терпимый, а есть места, где и зашкаливает. Сюда и из Припяти много чего привезли, и сами загадили, так что, если проблем быстрых и мучительных не хотите, ведите себя прилично».

В ангаре по левую сторону стоял ряд абсолютно голых панцирных коек, также были весьма приличного вида и качества платяные шкафы, у кроватей стояли добротные стулья гарнитурного вида, в торце красовался трельяж с пыльным, но целым зеркалом. По правую сторону находилась стена-выгородка, за которой расположились умывальники с явно не советскими раковинами и сантехникой, и ватерклозет с оптимистичными голубыми и целыми унитазами.

Пока бойцы, испуганно озираясь по сторонам, раскладывали вещмешки и застилали койки привезёнными одеялами, подполковник отвел нас с прапорщиком в сторонку: «Мужики, тут такое дело, бензин у нас кончился, и когда привезут, и привезут ли вообще, не понятно. Одолжите „КАМАЗ“ ваш на вечерок, надо в село мебель отвезти, а председатель продуктами и самогоном рассчитается. Я на этом долбаном бартере уже год так живу». Не вопрос, понятное дело. Я хотел вызвать водителя машины. «Не, не надо, Сашко съездит. Ключи только дайте и помогите загрузить. Тут, кроме меня, других воинских начальников нету».

Организовали воинов на погрузку. Честно говоря, масштабы этого квазирадиоактивного Клондайка завораживали. После аварии на ЧАЭС кого-кого только в этих краях на различных командных пунктах не было: и члены ЦК КПСС, и Совета Министров, и Руководства Министерства Обороны. Командные пункты нужно было оборудовать, уважаемых людей размещать.

Всем этим и занималась Чернобыльская квартирно-эксплуатационная часть. Сюда везли дорогую мебель, сантехнику, автономные источники электропитания, телефонные аппараты, бытовую технику, быстровозводимые жилые модули, кондиционеры с системами фильтрации воздуха, резервуары для воды с насосами, электронагреватели, оборудование мобильных котельных, импортные душевые кабины (не будет же почтенный секретарь ЦК в общем душе мыться, ну, не удобно ему), даже очень приличные бани, электроинструменты, сварочные аппараты, расходные строительные и слесарные материалы.

Некоторые не очень вменяемые граждане умудрились из самой Припяти материальные ценности привезти, но эти ценности тут и остались, выгороженные в отдельные кучи. А после окончания активной фазы работ по ликвидации последствий аварии и постепенного сворачивания КП и пунктов временной дислокации начальства, всё это добро свезли сюда, списали и бросили. Количество дефицитного имущества, которое, по идее и по правилам, должно было быть утилизировано, как источник вторичной радиации, действительно, впечатляло, я никогда и нигде больше такого не видел, даже в складских зонах современных гипермаркетов «ОБИ» и «Леруа Мерлен».

Постепенно сворачивались КП, сворачивалась и деятельность Чернобыльской КЭЧ. К декабрю 1990-го года она представляла собой именно то, что я сейчас описал: кучи, штабеля, стеллажи всего вышеперечисленного и отважную пятёрку супер-ликвидаторов во главе с командиром-пиратом.

Смех-смехом, а эти люди угробили своё здоровье раз и навсегда, не думаю, что кто-нибудь их них ещё жив. Им много платили, они получили заветные квартиры и личные автомобили где-то на «Большой земле», но… Наверное, только советские люди умели вот так медленно и неизбежно погибать ради достатка своих детей.

Самое трагикомичное заключалось в том, что раз КЭЧ практически прекратила своё существование, то и снабжение продовольствием и ГСМ тоже практически прекратилось. Деньги служащим КЭЧ шли на книжки, обналичить их там, в Ораное, было непросто, потому что и в само село Ораное наличности на почту завозили немного. Вот и жили сотрудники дан-

ной воинской части за счёт простого товарного обмена более или менее «чистого» имущества на продукты и предметы личного обихода.

Местным жителям, по-моему, вообще сам господин чёрт был ни разу не брат, и наличие в доме импортного гарнитура или унитаза значило для них гораздо больше, чем какие-то неведомые миллирентгены и Кюри. И это в Ораное, в 30-ти примерно километрах от Чернобыльской зоны отчуждения. На следующий день, на границе самой зоны, где мы ликвидировали брошенный лагерь «химиков», нас бабулечки из «полностью эвакуированных деревень» норовили попотчевать молочком и самогоном по очень низким ценам.

Загрузив «КАМАЗ» сомнительным добром, мы дружно отправились в душ. О качестве воды в те годы не думалось, просто было холодно, грязно, гадко и хотелось горячего душа, кружки крепкого чая и вытянуться на койке, подложив под голову свернутый бушлат. Воины, замученные за день дорогой, холодом и явно не радостными впечатлениями, после водных процедур и легкого ужина из консервов суточного рациона питания, сала и выданного нам щедрой рукой начпрода нормального хлебушка, спали тревожным сном напуганных детей.

Я сначала тоже провалился в бездну, но потом вдруг как-то вынырнул и понял, что мне не спится. Для молодого организма 23-х лет это нонсенс. Скрипнула металлическая дверца нашего ларца, в проходе зашлепал тапочками мудрый старший прапорщик, подойдя к моей койке, близоруко пощурился в темноте. «Я не сплю, чего?» – «Валентиныч, пойдём, командир приглашает». Ну, раз приглашает, значит пойдём.

Апартаменты командира располагались в противоположном краю этого бескрайнего ангара, рядом с ним была и комната персонала. В горнице у подполковника стоял инкрустированный здоровенный стол, накрытый газетами и оберточной бумагой, вкруг стола сидел в исподнем весь личный состав «Летучего голландца».

На столе в живописном беспорядке присутствовало всё, чем богата Маты-Украина: кровяная колбаса, купаты, солёное и копчёное сало, разломанные на неравные куски жареные куры, вареные яйца, домашняя тушенка на фарфоровых тарелках, тушеный картофель, лук, чеснок, солёные помидоры с огурцами, капуста квашеная и запотевший чайник с самогоном. На десерт трехлитровые банки с домашними компотами. И домашней выпечки хлеб. «На завтрак и на ужин и бойцов нормально покормим» – пообещал гостеприимный командор: «да сейчас поздно уже, чего их будить, завтра упашетесь там, на свежем воздухе».

Резонно, решил я про себя и присоединился к вечерявшим. Ледяная 60-ти градусная самогонка под компотик и цибулю взбодрили, пришла вторая волна волчьего аппетита. Всё, о чём я выше повествовал, и поведал нам подполковник за этой поздней трапезой. Ещё он поделился тем, что две дочери у него на выданье, так вот он на приданое им и трудится. Вольнонаёмных товарищей тоже на откровенности потянуло, понятно, скучно им там жилось, хотя рекультивационные команды из нашей бригады приезжали достаточно регулярно.

Истории были у всех похожие: работали где-то мужики, крутились, как могли, у кого двое, у кого трое деток, кто сельский, кто из городка маленького, жили вроде, неплохо, как все вокруг, а тут на тебе, такая вот дискотека в клубе энергетиков «Сталкер» … Призвали их из запаса и отправили на эту самую «дискотеку». Потом предложили остаться на вольном найме в КЭЧ, а что, неплохо, зарплаты большие, кому новый дом в селе, кому квартиру в райцентре дали, на льготную очередь на автомобили поставили.

И пахали мужики, как обычно, разворачивали и сворачивали КП и места временной дислокации начальства, как могли, поддерживали жизнь на своей «очень атомной подводной лодке», радостно прикидывали, кому и сколько «накапало», планы строили, как в отпуска в Гагры отдыхать поедут, как женам и деткам обновки и гостинцы купят. Тогда ведь ещё не было этих огромных некрополей, и слово «Чернобылец» ещё не имело значения диагноза или уже приговора. Моего Отца эта «дискотека» догнала в 1999-м и окончательно «убрала» в 2000-м.

Сидели недолго, выпили по четыре положенные, закусили и закруглились. Собрали провизию в громадный холодильник, да и отправились «на боковую». В 6:00 мск мне казалось, что я только что лёг. Командор своё обещание сдержал, на завтрак у солдат была и колбаска, и куры, и яйца вареные, и компот. Кружка хорошего кофе (гуманитарная помощь Мамы из далёкой Москвы), вернули мне силы и уверенность во всём хорошем. Позавтракали, укутались, потянулись на выход. Герман Справедливый рачительно снарядил два вещмешка консервами и хлебом, заварили с собой 50-ти литровый термос сладкого чая.

Нас предупредили, что там, где мы будем работать, категорически нельзя разводить никакой огонь, я не вдавался в подробности, но это мотивировалось тем, что в условиях вторичного радиоактивного заражения любой костёр превращается в маленький реактор. Знали бы мы, какую объёмную радиоактивную свинку подложили нам наши предшественники, но неведение иногда способствует успеху в выполнении поставленной задачи. Построились возле машин, я объявил задачу на день, проинструктировал о мерах безопасности на марше и при выполнении работ, «по машинам!», поехали.

Погодка была на славу, выезжали затемно, валил крупными хлопьями липкий и мокрый снег. Ехали медленно и осторожно, впереди шёл «КАМАЗ» – самосвал, за ним «КрАЗы» с трейлерами, замыкали колонну мы на «Урале». Старший прапорщик знал место назначения и ехал старшим в головной машине. Проехали перекресток с дорогой на село Дитятки, въехали в зону Чернобыльского заказника, ещё примерно километров через 10 свернули налево, на просёлок, и дальше двигались вдоль поля, засаженного озимыми.

Да, да, до Чорнобиля уже было рукой подать, а поля возделывались. Ещё через 5 км приехали. Наша задача заключалась в том, чтобы свернуть брошенный лагерь полка войск химической защиты, вывезти весь мусор: палатки, ОЗК, форму, сапоги, прочий инвентарь, на пункт утилизации, и снять 300 мм грунта со всей площади, где стояли «химики», и тоже вывезти на пункт утилизации. Планировали управится за пять дней. Выгрузились из машины, бульдозер согнали с трейлера, развернул бойцов в цепь и начали, благословясь.

Рассвело, но веселее не стало. На смену мокрому снегу заступил пронизывающий ветер, особенно освежающий в голом поле, бродили мы по раскисшей глине и мокрому, тяжёлому песку. Одели чулки от ОЗК, что маневренности не добавило, собирали мусор в кучи, грузили в «КАМАЗ», тот уезжал на пункт утилизации, мы за время его поездки в два конца успевали собрать ещё пару куч.

Бульдозер начал потихоньку срывать дерн и грунт с тех мест, где стояла техника «химиков». Через час он уже завяз по самые дверцы. Началась эпопея с его извлечением из липких объятий матери-земли, рвались троса, выворачивались фаркопы, посиневшие воины орали нецензурно хриплыми голосами. В общем, пикничок получался славным.

Бойцы спасались горячим чаем, каждые два часа поочередно прикладывались к термосу. В 14 часов отобедали на свежем воздухе холодными консервами и продолжили. Когда стемнело, подсвечивали себе фарами и прожекторами машин. В 19:00 мск закрылся пункт утилизации, и мы двинулись в Ораное.

По общему согласию, извлеченный из глины трактор закрыли и оставили на площадке, что существенно прибавило нам прыткости. В КЭЧ ждал шикарный горячий ужин: вареная картоха с квашеной капустой и домашняя тушенка. Горячий душ, еда, всем, подчёркиваю, всем по 50 грамм и спать.

Следующий день был повторением предыдущего, мы монотонно, но методично расчищали квадратный метр за метром, бульдозерист стал аккуратнее и больше не встревал. Не помню, во сколько, приехал председатель колхоза, которому принадлежала эта территория. Старший прапорщик увлёк его в кабину «Урала» и через два часа весьма нетрезвый громадянин убыл восвояси, а великий и могучий старший над всеми прапорщиками прапорщик молча

показал мне подписанный «Акт выполненных работ». Вернулись на базу, душ, ужин с дезактивационной дозой и черное одеяло сна без сновидений.

К исходу третьего дня мы почувствовали близость заслуженной победы – большая часть территории уже была очищена, осадки и ветер встали на паузу, иногда выглядывало оробевшее Солнце. Вечером на базе командор радостно сообщил, что им привезли бензин, деньги и продуктов на месяц, настроение улучшалось по экспоненте, следующий день должен был стать аккордным.

Утро этого следующего дня сразу вывалило на нас тонну снега с дождём, прибавив немного аэродинамики. Но воины уже пахали, как заведенные, всем хотелось утром пятого дня уехать из этих эзотерических мест куда попроще, в пункт постоянной дислокации. Обросший удивительной рыже-бурой щетиной величайший прапорщик встал в общую шеренгу со всеми, что подчёркивало приближение кульминационного момента. И он наступил…

Где-то около 14:00 мск, как обычно, Герман Справедливый притащил вещмешки с консервами и хлебом, и повернулся ко мне, намереваясь о чём-то спросить. Из-за ветра ничего слышно не было, и я пошёл к нему. На пути, между нами, в песке была небольшая лужица, но я решил обойти её. Всё это произошло настолько быстро, что я абсолютно ничего не попытался даже сделать: песок ухнул у меня под ногами куда-то вниз, и я в зимней полевой форме начал барахтаться в этой воднопесчаной эмульсии.

Дна не было, ухватиться за проваливающиеся песчаные берега было невозможно. Я начал тупо тонуть, песок уже полез в нос и в уши. Герман среагировал молниеносно и правильно, он схватил длинную доску, которых, к счастью, вокруг было полно, лёг на живот и протянул её мне. Я еле-еле дотянулся до неё, вцепился чуть ли не зубами, и Герман начал отползать назад. Нашу Камасутру увидели и другие воины, ещё двое, повторив маневр Германа, ухватили его за ноги. Тянут-потянут, вытащили репку, то есть своего командира. А командир являл зрелище печальное: абсолютно мокрый, заполненный песком во все отверстия, я мгновенно окоченел на ледяном ветру.

В полном соответствии с теорией больших чисел, «КАМАЗ» уехал на пункт утилизации, а «Урал» и оба «КрАЗа» в том же направлении получать положенные на обратную дорогу ГСМ. За тридцать минут их отсутствия я потерял всякую способность говорить, чувствовать и думать. Всё когда-нибудь кончается, вернулись машины с заправки, великий и ужасный прапорщик забросил меня в КрАЗ, печку на полную, с меня стянули верхнюю одежду и ботинки. В тепле меня отчего-то начало рвать песком, фу…

Следующее включение мозга – старший прапорщик и водитель «Урала» перетаскивают меня туда, перед моим лицом появляется кружка с какой-то прозрачной жидкостью, не имеющей вкуса и запаха. Про ковид-19 тогда, слава Богу, ещё не знали, а то могли бы заподозрить неладное. После второй кружки самогона я ощутил пальцы ног.

И тем не менее, за этот забавный день мы закончили рекультивацию положенной нам территории, и утром следующего дня имели полное право ехать к своим очагам. Вечером, на базе я очень долго и тщательно вымывал из себя песочек, товарищ кочегар взял мою форму и, я глазам своим не поверил, засунул её в импортную стиральную машину-автомат. Обещал к утру в котельной высушить.

Я сдержанно рассказал командору о своём приключении, он внимательно на меня посмотрел: «А где это, говоришь, было? Ну, примерно, относительно общей линии палаток и полевого парка машин?» Я напрягся и объяснил. Он долго и виртуозно матерился. В его монологе фигурировали распущенные женщины, мужчины нетрадиционной (тогда) сексуальной ориентации и какие-то уж совсем экзотические термины.

Короче, я провалился в могильник. Кому-то надо было быстрее уехать, кто-то поленился оформлять утилизацию тяжёлой техники, работавшей непосредственно в Зоне отчуждения, на бетонном заводе, и, после ухода «химиков», её просто закопали на территории их полевого

лагеря. Слухи об этом просочились, но никто как-то не проверял, командир КЭЧ тоже об этом слышал и даже подозревал, что так оно и есть, но объективных данных не было. И вот они сидели перед ним, эти объективные данные. Какой же на самом деле радиоактивный фон присутствовал на месте нашего трудового подвига, даже представлять себе и сейчас не хочется. Результатом моих грязевых ванн в сочетании с радиоактивным облучением стал хронический и лютый дерматоз. Всё остальное пока на месте, и даже кое-что с годами усиливается.

И тем не менее, жизнь продолжала продолжаться, утром следующего дня мы бодро построились, бодро загрузились, я со старшим прапорщиком сердечно попрощались с гостеприимным командором и его командой, фары ближнего света включены, красные флажки установлены – в путь! Выехали мы около 7:00 мск и очень надеялись часам к 15-ти добраться до бригады. Надежда всегда умирает. Последней. Порядок построения колонны у нас был тот же: впереди «КАМАЗ», за ним оба «КрАЗа» с трейлерами, на которые загружены трактора, в замыкании я на «Урале» с бойцами в кузове. Средняя скорость 30 км/ч; расстояние до бригады 125 км; взяли очень приличный «ефрейторский» зазор, приняв за расчетное время вдвое большее.

Ехали мы ехали, снег периодически начинал валить, подмораживало слегка. Около 10:00 мск я увидел, что у идущего впереди меня трейлера с обеих сторон горят задние внутренние покрышки, через пару минут он уже ехал на голых дисках, «КрАЗ» осадило, как лошадь на скаку, трейлер повело и развернуло, благо, что на дороге мы были одни. И мы всё равно поехали дальше, но уже со скоростью 5—6 км/ч. У трейлера почему-то сгорели все задние покрышки, КрАЗ дымил, как паровоз, но мы ехали в свою воинскую часть.

У нас ведь не было другого выхода, с первого же почтового пункта я дозвонился до замотеха бригады и получил категорический приказ: добираться до бригады, пока «КрАЗ» в состоянии двигаться и пока сцепление на нём до конца не сгорит. Вот мы и ехали. Когда стемнело, добавилось ещё немного изюму: мой водитель просто заснул за рулём. Я растормошил его, мы поменялись местами и до бригады вёл «Урал» с ничего не подозревавшими бойцами в кузове я. Это было очень страшно, потому что и у меня начали предательски расплываться в глазах габаритные огни трейлера. Но в кузове было 20 человек окоченевших солдат, и я обязан был их довезти до расположения.

Я смутно помню, во сколько мы прибыли в бригаду и что, и как было потом. На КТП нас встречал замотех, подполковник Савин, глаза у него полезли на лоб от изумления, когда он увидел пасторальную картинку: в кабине «Урала», справа, уронив голову на переднюю панель, крепко спит водитель, а баранку крутит абсолютно отмороженный лейтенант. Я сдал ему технику дорожников и подъехал к нашей казарме. Солдаты еле-еле выползли из кузова, бушлаты и шапки покрылись ледяной корочкой. Бедолага-шофёр очнулся и в парк машину отогнал самостоятельно.

Благо, в казарме была горячая вода и душевые. Бойцы доели оставшиеся консервы прямо в расположении роты и рухнули в койки. Я доложил комбату о прибытии и тоже отправился домой. Меня хватило на то, чтобы открыть входную дверь, снять бушлат и стянуть ботинки. Как я оказался на диване, уже не помню.

На следующий день выспавшийся, побритый, в свеженькой рубашке при галстуке и наглаженных брюках, я прибыл на доклад к командиру батальона. Кунцевич крепко руку мне пожал и сказал, что я – мужик. Далее произошло самое смешное во всей этой истории – я сдал документы в строевую часть, все документы, «Акт выполненных работ», погашенные требования на ГСМ, командировочные предписания с отметками о нахождении в первом периметре зоны отчуждения.

Естественно, я забыл вписать в замечательное командировочное предписание, дававшее право на получение статуса «ликвидатор последствий аварии на ЧАЭС», свои имя, фамилию

и отчество. Почему предписание было безымянным, а Приказ по части имел пробел, рассказано выше.

Мне объявили благодарность от имени Начальника инженерных войск ККВО, Германа Справедливого из-за мутной политической обстановки в отпуск на родину не отпустили, но он гордо носил погоны «старшины», единственный из срочников во всей бригаде. Всему личному составу объявили по два увольнения из расположения части, но «чернобыльцем» я не стал.

Я не знаю, кто воспользовался моей неопытностью и невнимательностью, Бог ему судья. Главное, что все остались живы, и очень хочется надеется, что здоровы. Мы с солдатами и сержантами моей роты после этой командировки уже были командой, помимо уставных, чисто служебных, у нас начали складываться товарищеские отношения – я, безусловно, старший, они, вне всякого сомнения, младшие, но уже ТОВАРИЩИ.

И это ощущение сложившейся воинской семьи греет мне душу до сих пор – ведь это была моя первая рота. А потом было самое интересное и замечательное время моей службы в Броварской 313-й Гв. ОИСБР – подготовка к проведению увы, последних в истории Вооруженных Сил СССР сборов-учений командного состава Инженерных войск, которые проводил Главком сухопутных войск В. И. Варенников.

Глава 3. Пикничок продолжается

…Только осознание до конца исполненного долга перед Родиной делает военнослужащего по-настоящему счастливым…

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, однако, так или иначе, завершился с переменным успехом такой противоречивый и сумбурный 1990-й год – первый год моей офицерской службы. Распахнул свои обманчивые объятия 91-й… Эх, знать бы, что случится со всеми с нами в этом лукавом году, да, впрочем, чтобы это изменило?

Праздник новогодний встретил я дежурным по батальону, в расположении 1-3-й рот накрыли столы с лимонадом, конфетами, мандаринами и тортами «Днепровский» (облегченная версия «Киевского»). Воинам из Риги и Таллинна прислали ароматные посылки с марципанами и меренгами, бой курантов встретили лимонадом «Дюшес», выключили телевизор, настроили купленный в складчину музыкальный центр и далее продолжили под Гуннара Грапса, Магнетик бэнд, Депеш Мод, А-ха, Леди Панк и прочие шедевры человеческой музыки.

В 02:00 по местному времени произвели отбой, и я, как эскортный корвет, приступил к непрерывному противолодочному маневру, затейливо курсируя между каптёрками, спортзалом, сержантскими классами и прочими шхерами личного состава, добросовестно пытаясь пресечь попытки неизбежного в этот праздник казарменного пьянства.

Почти удалось, по крайней мере, никто не буянил и не бродил в алкогольном тумане по расположению, безжалостному уничтожению подверглась обнаруженная в шкафу с уборочным инвентарём 5-ти литровая канистра самогона да пара 3-х литровых банок замаскированной под компотик ханки. Потянулись визитёры – ответственный по бригаде, дежурный, секретарь партийной комиссии, но проверяющие недостатков не выявили.

А в ДОСах гремела музыка, свистели сигнальные мины, хлопали взрывпакеты и имитационные патроны, расцвечивали ночное небо осветительные и сигнальные ракеты всех цветов и типов. С китайской пиротехникой мы в ту пору знакомы не были, да и не нужна она была при нашей-то оснащённости. К утру устали и угомонились, и на 313-ю Гвардейскую Отдельную инженерно-сапёрную бригаду специальных работ опустилась легкая пелерина зимнего сна.

Но Новый год в Броварах позднего советского периода это так себе праздник, не выдающийся. Генеральная репетиция Главного всенародного Гульбища – Рождества! Естественно, что громадяне не особо задумывались над религиозным содержанием этого тихого и светлого Праздника, нет. Просто на Украине была сильна вековая традиция, воспетая великим Гоголем в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», традиция, уходящая своими цепкими корнями в дохристианские времена. Подобного размаха и тщательности в подготовке к празднованию я не встречал более нигде.

По странной пищевой традиции, на рождественском столе должно было быть по семь видов каждого из блюд: семь видов салатов, семь видов мясных закусок, семь видов горячих блюд, домашняя выпечка, печенье, конфеты – в астрономических масштабах. Всем подъездом стол решили накрыть в нашей холостяцкой квартире, стол получился от окна до стены…

Гвардии старший прапорщик Розум и его коллеги изрядно облегчили бригадные продовольственные склады на предмет всех видов сала и овощных закусок, Розум даже выпросил у начальника подсобного хозяйства целого увесистого поросёнка. Пете Овчинникову передали из Ивано-Франковской губернии 2-х копченых гусей и связку купат. Жёны-хозяюшки пару дней непрерывно хлопотали возле плит, и постепенно наше жилище превращалось в гастрономическую лавку. При этом, заботливые мамочки ещё успевали приготовить деткам соответствующие наряды для колядования.

И вот Праздник настал! В эту ночь с салютами особо не заморачивались, зато все ходили ко всем за столы, дети пели колядки (вот тут-то я понял, зачем столько сладостей, деткам в наволочки сыпали без счёта), играли баяны и гитары, во дворах плясали и пели, жинки и дивчины сверкали своими глазищами и белозубыми улыбками, хлопцы и чоловики отделывали замысловатые коленца вечного гопака. Какой на дворе был век? Откуда, из каких заповедных глубин всплывало это искреннее умение радоваться? Эх, Украина, Украина, а всё-таки жаль, что Ты решила зачем-то наложить на себя руки, мммда…

Улеглись народные гуляния, и настойчиво и требовательно напомнила о себе Воинская Служба. Разворачивался зимний учебный период, молодёжь полноценно влилась в состав подразделений, этап слаживания подходил к концу, началось время различных тренировок в составе рот и батальона. Отрабатывали элементы боевой готовности, поднимались по учебно-боевым тревогам, бегали в запасной район, выводили технику на боевую линию. Одним словом, не скучали.

Зима выдалась на удивление снежной, и добрый великан Раймондас Козулис не вылезал из кабины ПЗМ-2, непрерывно елозя по дорожкам бригады и расчищая снег. Но ему это явно нравилось гораздо больше, чем бегать с полной выкладкой по окрестным лесам в поисках загадочного запасного района, он чистил себе снег и при этом что-то непрерывно напевал себе под нос, картинка была просто умилительная.

Неожиданно пришла тревожная новость – генерал-полковник Борис Всеволодович Громов покинул нас, и ему на смену прибыл некто Виктор Степанович Чечеватов, настоящий танкист, произведенный по случаю назначения Командующим ККВО в генерал-полковники. Сразу и честно скажу: человек он был (и есть) крайне своеобразный и противоречивый, безусловно, талантливый военный, но при этом редкостный специалист по наживанию себе влиятельных врагов. Его последующая карьера и череда непрерывных скандалов, связанных с ним, яркое тому подтверждение.

Но это было всё потом, а тогда, в январе 1991-го, Округ замер в напряженном ожидании. Как я уже ранее рассказывал, наша Гвардейская очень Отдельная ИСБр имела окружное подчинение, то есть, подчинялись мы непосредственно добрейшему Валентину Мефодьевичу Яремчуку, Начальнику Инженерных войск ККВО. Валентин Мефодьевич генерал был весьма заслуженный, возглавлял в своё время Инженерные войска 40-й Армии в ДРА. Как настоящему советскому офицеру-украинцу, ему было свойственно потрясающее, безграничное, бездонное просто чувство юмора, его нецензурный вокабуляр затмевал подобный у всех известных военно-морских и военно-воздушных специалистов в этой области. И ещё он трепетно и нежно любил свою Жену и Донечку.

Так вот, в связи с прямой подчиненностью, нас никто не трогал и не обижал, а дислоцировались мы аккурат на шоссе перед въездом в Бровары, через пару километров после птицефабрики. То есть, двигаясь из Киева на Чернигов, например, путник неминуемо проезжал мимо наших нарядных ворот.

В тот хмурый январский день нёс я службу дежурным по батальону. В расположении были только лица суточного наряда, остальные корпели в батальонном автопарке. Дело в том, что накануне наш креативный Заместитель командира батальона по вооружению (запамятовал его фамилию) проводил занятия со всеми механиками-водителями и просто водителями и трактористами на тему «Выход техники из боксов на боевую линию».

Во второй роте специальных работ железных монстров под названием ИМР-2Р (с усиленной противорадиационной защитой) на базе танка Т-72, БАТ-2, МДК-3 на базе тяжелого тягача МТТ было 24 единицы, плюс более ранняя версия БТМ-3 на базе тяжелого артиллерийского тягача АТТ в количестве шести единиц. Это всё гусеницы. А на дворе зима. А двигатели не проворачивали с ноября месяца.

Одним словом, стравили весь воздух из баллонов воздушного запуска, посадили все аккумуляторы и стали жизни радоваться, как дети малые. Ночью компрессорная не работает, забивать баллоны начали только после завтрака, свой компрессор бортовой есть только на ИМР-2Р, танк, потому что, остальные ждут, когда им в компрессорной закачают.

БТМ-3. Армейская машина для быстрой прокладки канав и траншей в различных грунтах от песчаного до мерзлого.

БАТ-2. Путепрокладчик на базе танка.

Буферные группы разряжены, аккумуляторы с техники сняты и отправлены в аккумуляторную. Таким образом, рота полностью выведена из строя. Моим проще, у меня «колёса» и старший техник роты далеко не дурак, но всё равно, все машинисты-бульдозеристы в боксах, красоту наводят. Повседневная обыденная рутина. И тут звоночек от дежурного по КПП: «Парни, все, привет! Чечеватов приехал! Дежурного по бригаде уже снял и влепил ему „десяточку“, мне тоже. Погибаю, но не сдаюсь, прощайте, товарищи!»

И тут же с КТП, из парка звонок: «Валентиныч, всё. Чечеватов в нашем парке. Учебно-боевая тревога батальону. А я с наряда снимаюсь и отбываю на Киевскую гарнизонную гауптвахту на 10 суток». Ну, и для полноты гештальта оперативный дежурный по бригаде звонит и удивленно так спрашивает: «А что там у вас в батальоне случилось?» «Да ничего, отвечаю, песцы из клеток вырвались, Командующий ККВО на территории бригады, в батальоне учебно-боевая тревога, все офицеры и прапорщики из состава суточных нарядов, за исключением пока что меня, со службы сняты и отправлены под арест. Мужайтесь». На том конце раздался характерный звук упавшей на стол телефонной трубки…

На душе у меня было странно спокойно и как-то пустовато. Метаться явно было уже поздно, если безжалостный Танкист заглянет в расположение батальона, я тоже ближайшую ночь встречу уже в офицерской камере. Для порядка озадачил весь суточный наряд экстренной приборкой, а сам занял наблюдательно-выжидательную позицию на крыльце. Вскоре раздался дружный топот табуна солдатских сапог – это мчались из парка воины получать оружие, противогазы и вещмешки. Ну да, тревога же…

Получили, поскакали обратно. Далее из здания штаба бригады выскочили и зарысили в сторону нашего парка все заместители комбрига: от начальника штаба до начальника политотдела. Комбриг чудесным образом лёг на грунт, он такой, он умел. Ну, а далее… Далее последовала команда выдвигаться в запасный район.

Всему, что может выдвигаться. Моя рота и третья, колесные братья, быстренько покинули расположение бригады и затерялись в лесах. Кстати, заменить меня в наряде, в связи с тем, что тревога, и я подразделение должен был возглавить, так никому в голову и не пришло за всеобщей суматохой. Ну да ладно, не очень-то и хотелось. А вот второй гвардейской роте специальных работ досталось по полной. Из боксов, как и следовало ожидать, не вышла ни одна единица техники… С точки зрения танкиста Чечеватова, это был полный конец света, и он, по сути, был прав. Тревоге дали «отбой», бойцов из парка выгнали, и на бетонку перед боксами полилась кровь командиров вместе со слезами от лютой боли в определенных местах.

Для начала, всё командование батальона публично подвесили на крюки стрелового оборудования БАТ-2, затем колесовали посредством рабочего органа БТМ-3, затем намотали на гусеницы ИМР-2Р. После чего настал черед бригадных начальников. Это, конечно, гипербола, как вы догадались, но очень близкая к истине.

Меж тем, сквозь никем уже не контролируемые в связи с полным уничтожением наряда ворота бригады начали влетать автомобили командования ККВО и его злосчастных Инженерных войск. Благо, дороженька от КПП вела прямёхонько в наш парк инженерной и автомобильной техники. Первым, как и положено, прибыл Член. Член Военного Совета – Начальник ПУ Округа. Затем НШ Округа. Затем, как бессловесные овцы на заклание, приехали наши инженерные руководители. Минут через сорок Танкист и его свита покинули расположение изнасилованной 313-й Гвардейской когда-то ОИСБр, и поступила команда всем, ещё не арестованным офицерам, собраться в клубе Бригады.

Меня наконец-то сменили с наряда, заступил отсидевшийся в недрах вещевого склада гвардии старший прапорщик Боря Мазурёнок. В клубе нехорошо пахло – как в морге жарким летом. За столом на трибуне, словно судьи Международного Трибунала, восседали наши инженерные начальники и НШ Округа.

Начальник Штаба ККВО был лаконичен, а пост его незатейлив: налицо чудовищное воинское преступление, совершенное начальствующим составом Гвардейского Отдельного инженерно-саперного батальона специальных работ при попустительстве со стороны командования Бригады. По всем действующим нормативно-правовым актам, командир батальона, начальник штаба, замполтех, командир второй роты и командиры взводов этого подразделения, подлежат суду военного трибунала, командование Бригады – немедленной ротации из уютного ККВО в менее гостеприимный Забайкальский ВО или знойный Туркестанский ВО с понижением в должности до плинтуса и в звании до вечного капитана. Остальной личный состав искупать вину будет кровью, потом и бессонными сутками в парках боевых машин.

Но Командующий снисходителен иногда, поэтому Командование Инженерных войск ККВО переводится на казарменное положение с местом дислокации здесь. Офицерам и прапорщикам Бригады расположение части покидать запрещается. Конкретно офицерам и прапорщикам Отдельного ИСБ специальных работ территорию парка инженерной и автомобильной техники батальона покидать запрещается. Тылу организовать размещение и питание. На устранение недостатков две недели, после чего тотальная инспекция по всем статьям. И, ежели чего окажется не так, то выше озвученный сценарий будет приведён в исполнение. На этом НШ закончил и тоже отбыл из расположения Бригады.

И слово взял генерал-майор Яремчук. Взял он его крепко, по-хозяйски, умеючи, так сказать, взял. Смысл его речи был трагическим, но сердце израненное рвалось на встречу этой виртуозно исполняемой Песне Вечной Камасутры, и на взбледнувших лицах против воли и рассудка расползались тщетно маскируемые улыбки.

Валентин Мефодьевич загнул так, с таким гениальным знанием предмета, что никому из юмористов и сатириков вместе с Квнщиками и не снилось. Ни одного его речевого оборота, ни одного слова или даже запятой нельзя привести здесь по соображениям литературности и цензуры, но поверьте, это было здорово!

Униженный и обиженный, без вины виноватый Дед зажёг и явно отвёл душу. Напоследок он посулил нам, что его пребывание на казарменном положении на территории Бригады и мы, и наши внуки, если таковые после всего этого случатся, запомним. Навсегда. Всё остальное забудем, а только это и будем помнить.

Совещание – концерт закончилось, всем, кроме нашего батальона, объявили часовую готовность к строевому смотру, а нас повлекли в расположение части. Там Начальник Штаба Инженерных войск ККВО и Заместитель Начальника инженерных войск по вооружению добавили нам гормонов, но это было уже не так интересно и совсем не больно.

На период устранения недостатков командование нашим злосчастным батальоном взял на себя непосредственно Заместитель Начальника инженерных войск ККВО по вооружению. Он дал команду всем, проживающим в городке, в ДОСах, на сорок минут отбыть домой, переодеться в комбинезоны и «афганки», попрощаться с семьями, взять пожрать для себя и не местных товарищей, и после этого строимся дружно в парке инженерной и автомобильной техники батальона. Хотите верьте, хотите нет, дело вкуса, но мы действительно трое суток с территории парка не выходили.

Солдат, как положено, водили в столовую, у них был установленный распорядок дня, спали они в расположениях подразделений, и даже программу «Время» смотрели. А вот подзалетевшие товарищи офицеры и прапорщики жили в боксах, спать и греться ходили по очереди на КТП, естественные надобности справляли там же, благо сортир имелся в наличии.

Что мы там делали? Да, собственно, ничего. Изучали материальную часть машин инженерного вооружения. В конце концов, все аккумуляторы зарядились и встали на свои штатные места, баллоны со сжатым воздухом набрали положенное количество атмосфер, все механики-водители и офицеры с прапорщиками в совершенстве освоили запуск котла-подогревателя, и техника второй гвардейской роты завелась.

В каждую машину был назначен старшим офицер или прапорщик, и мы начали в составе роты мотать круги по машинодрому, благо, он находился рядом. Накрутив положенное количество моточасов, угомонились и игрушечки поставили на место. После чего нас торжественно выпустили на волю, то есть, в ДОСы. На следующий день всё повторили для надёжности, и режим чрезвычайной ситуации в батальоне закончился.

Командование инженерных войск Округа тихо отбыло в пункт своей постоянной дислокации, город-герой Киев, наши бригадные руководители тоже оправились от шока и начали понемногу всеми командовать. Командующему Войсками ККВО доложили о полном и успешном устранении недостатков, но оставался открытым вопрос об обещанной тотальной инспекции.

Это побудоражило умы ещё непродолжительное время, а потом само по себе как-то плавно сошло на нет. Всё-таки на дворе стоял лукавый 1991-й, и Командующему, видимо, было уже не до нас. Что ж, Лев мышей не ест, Танк муравьёв не давит. Однако, Бригада наша надолго возглавила рейтинги самых порицаемых соединений Округа, всем, кому положено, досталось по полной мере. А впереди нас ожидали события, которые своим драматизмом и яркостью затмили этот, кажущийся за дымкою лет комическим и не страшным, эпизод.

Последние дни несокрушимой и легендарной

Вооруженные силы Государства – это квинтэссенция его воли, его духовных, экономических и технических возможностей. У здорового, динамичного и гармонично развивающегося государственного организма формируется Армия Победителей.

Ваш покорный слуга долго и загадочно молчал, погруженный в сплошную энтропию, и предавался тягостным размышлениям о суетности бытия перед лицом неизбежного хаоса. Отяжелевшая рука никак не могла дотянуться до клавиатуры ноутбука, нейронный обмен находился в полосе турбулентности. Но всё проходит, и это тоже прошло. Чувство долга и совесть неотступно колошматили в двери моего подсознания, и я восстал из пепла зимней депрессии навстречу юной весне и новым обострениям.

Расстались мы с вами давненько, январским пасмурным днём 1991-го года, когда прославленное гвардейское соединение – 313-я Отдельная Гвардейская Берлинская инженерная бригада специальных работ под руководством гвардии полковника Вячеслава Павловича Синельникова медленно приходила в себя после сокрушительного танкового рейда, предпринятого Командующим Краснознаменным Киевским военным округом генерал-полковником Чечеватовым.

Глава 1. Эх, молодость, молодость…

…Лейтенанту сны не положены, он спит, как убитый. Майору снится полковничья папаха, полковнику – генеральские лампасы. А седому генералу снится его лейтенантская юность. Каждому – своё…

Шоковая терапия пошла на пользу, по крайней мере, технари больше не покидали парки автомобильной техники и машин инженерного вооружения, не убедившись в том, что вверенное им железо дееспособно. Январь был длинный и хмурый, то валил снег, то моросил дождь, зима не могла определиться сама с собой и переживала когнитивный диссонанс.

В это непонятное время я успел смотаться в железный город Челябинск в качестве начальника выездного караула, и отвезти на ЧТЗ экспериментальные трактора с целью их дальнейшего апгрейда. Почему-то никому не пришло в голову (кроме меня, но я права голоса не имел) просто снять с тракторов блоки дистанционного управления и отправить их спецсвязью, а трактора обычным порядком. Нет, радость военной службы – в непрерывном преодолении трудностей, тягот и лишений. Замутили выездной караул в составе начальника – меня, и четырёх караульных.

Радетельный старшина роты Токарев подготовил теплушку, кормилец Саша Баламут щедрой рукой отмерил гречки, картошки, хлеба, сала и рационов суточного питания, бульдозеры утвердились на платформах, и мы поехали.

В связи с тем, что нас было всего три вагона, ползли мы очень долго, нас прицепляли к попутным поездам. Выехали мы со станции Бровары – товарная при забортной температуре около 0 градусов по Цельсию под хлюпанье дождя со снегом. Озябнув, печь решили истопить, и с интересом обнаружили, что гвардии старший прапорщик Папаша Мюллер (почётное наименование Токарева) насовал нам полвагона сосновых брёвен, проигнорировав при этом пилу. Туповатый топор и кувалда были, пилы не было.

К счастью, нашлось несколько чурбаков, и даже сухих. Мы их измельчили до габаритов топки печи и стали наслаждаться теплом. А караульные у меня были – орлы! Нет, альбатросы балтийские. Литовцы Дубровскис и Корабейниковас (во как!), латыши Федотов и Васильев, коренные рижане. В общем, народ нежный, к континентальному климату нестойкий.

Проехали мы некоторое расстояние под грохот колёс и сцепки, и у нас упала печная труба. Коротковата оказалась, и от чудовищной тряски ещё осела, ну, и свалилась. В дыму и среди искр мы нашли какие-то обрубки досок и даже кирпичи, и подняли нашу спасительницу-печь. Больше она не чудила, только постоянно требовала дров, а они неумолимо заканчивались.

Грызть брёвна при помощи топора оказалось делом героическим, но бессмысленным. И главным нашим мероприятием на всех стоянках стало гнусное воровство всего, что может быть разрублено и брошено в печь. Этой участи подверглись, в том числе, скамейки курилки, пожарный щит и туалет типа «сортир». В Пензе нам крупно повезло, на соседнем пути стоял длиннющий состав пустых платформ с дощатым настилом. После нас остались железные рамы на колёсах…

Ещё мы выменивали у сцепщиков своевременную отправку с попутным паровозом на тушёнку и картошку. За Волгой стало стремительно холодать, и в Приуралье мы въехали при минус 30-ти. Красота пейзажа завораживала: хрустальное небо, серые скалы, покрытые седым мхом, зелень сосен, крутые тропинки, тётеньки с коромыслами, искрящийся снег… Красная печка, пар изо рта и примёрзшее к телу исподнее. К холоду привыкнуть нельзя, его можно только терпеть, сказал Фритьоф Нансен. Полностью согласен. В общем, мы так намёрзлись, что даже в цех завода въехали с дымящей трубой.

Поселили нас в заводском общежитии для воинских команд (ЧТЗ образца 1991-го – это не только трактора, даже совсем не только), отсутствие дикой тряски и ударов головой об нары радовало, горячей воды – нет. А наши европейские тела жаждали гигиены. Спасибо кормильцу Саше, когда он заваливал нас снедью, я саркастически ухмылялся, думая в себе: «вот она, ментальность хуторская».

Момент истины настиг меня в пути и не покидал до самой до Москвы. За 2 кило гречки и 4 большие банки тушёнки мы обрели право мыться и плескаться в заводских душевых. Вернув кожному покрову естественный цвет и запах, я озаботился вопросом нашего возвращения в пункт постоянной дислокации. Все документы были оформлены, на руках у меня были воинские перевозочные документы, оружие угнездилось в металлический ящик, осталось найти военного коменданта железнодорожной станции «Челябинск» и в его сопровождении усесться в ближайший поезд, следующий в Европу.

Не тут-то было… Надо сказать, что в Челябинске мороз заворачивал за -36ºС; город был полон патрулей, а я шастал в прокопченной зимней полевой форме с пистолетом в кобуре. Помощник коменданта, бравый капитан с багровым лицом, предложил дать ему 150 рублей (при совокупной стоимости билетов на пятерых около 80-ти рублей, и при том, что ехать мы должны были бесплатно). Я прямо ответил, что таких денег у меня просто нет, а есть ВПД. Кэп порекомендовал мне свернуть их трубочкой и вставить в… И дать телеграмму друзьям, чтобы денег прислали. Нет денег – нет места в паровозе. На глазах у меня навернулись злые слёзы, и рука потянулась к кобуре.

Капитан ушёл в изучение какого-то документа. Звенящим от ярости голосом я потребовал объяснений, и был тут же отодран за нарушение установленной в гарнизоне формы одежды, после чего просто выставлен вон. Месть – это блюдо, которое… Ну, дальше вы знаете. Ошибся капитан-«восошник», ох, как ошибся, выбирая жертву для поживы. Ну, не орать же мне было с порога, что у меня Папа – Герой Социалистического труда и московский генерал из Центрального Аппарата.

По морозцу направил я свои стопы на Главпочтамт, в телефонный переговорный пункт. Звёзды улыбались мне, Отец был на месте. Выслушав мой сдержанный доклад, он скомандовал находиться в общежитии, с личным составом и ждать развития событий. Вскоре примчался полковник-военный представитель на ЧТЗ. «А Ты чего к коменданту-то пошёл? А мы здесь на что?» – искренне недоумевал он, забирая у меня ВПД. Через 40 минут под окнами зафурчал «Пазик» с военными номерами, багряноликий кэп и прапорщик-водитель подхватили наш железный ящик с оружием и поскакали в автобус. Мы – следом.

В торжественном молчании нас препроводили и водрузили в фирменный скорый поезд «Южный Урал», правда, в плацкартный вагон, да ладно. Кэп на прощание исполнил воинское приветствие и проскрежетал что-то типа «счастливого пути». Наш анабасис меж тем, продолжался.

Народу в вагоне было немного, я, как заботливый начальник, расположился на боковушке, воины попадали на полки и принялись выполнять свою главную боевую задачу: посредством сна приближать неизбежный дембель. У меня в заначке была захватывающая книжка про заговор против Де Голля, и я погрузился в чтение.

Поезд плавно нёсся в Москву (прямых до Киева не существовало), постельное, нательное бельё и я были чистыми, жизнь представлялась прекрасной. Однако, вскоре захотелось принять пищу с горячим чаем, но никаких признаков проводниц не было. Подождав, когда под ложечкой не на шутку засосёт, я отправился на поиски человеческого общения.

В купе проводников, на полке-кушетке, сидели две маленькие, тощенькие девочки в великоватых им синих рубашках. В тоненьких пальчиках они держали стаканы с чуть подкрашенным заваркой кипятком, старательно дули на этот напиток и закусывали его кусочками

серого хлеба. Когда я обозначился в проёме двери, на меня воззрились две пары больших, светлых, грустных и голодных девичьих глаз.

Все вопросы и просьбы мгновенно слетели с моего языка, а к горлу подкатил комок. Я метнулся к нашим вещмешкам, у нас ещё было полно сахара, галет, заварки, сгущёнки и рыбных консервов. Взяв, сколько мог унести, вернулся к малышкам. Глаз такого размера я до этого не видел.

Всё это происходило при минимуме слов. Я заварил крепкий чай в огромном чайнике, в блюдце навалил армейского кускового сахара, вспорол банки со сгущёнкой и сайрой в масле. «У нас хлеб есть» – пролепетала одна из девочек. «Ура! – ответил я, – я на галеты уже смотреть не могу». «Правда? – удивились проводницы-школьницы – а нам они так нравятся». Я молча сходил в наш вигвам и принёс им две коробки из-под РСП, полные галет.

В разгар чаепития на лица девчонок вернулись краски, в глазищах появился кокетливый блеск, они болтали без умолку. Они были студентками на подработке, им было по 19 лет, из челябинских пригородов, всё бы ничего, но до проводников почему-то перестала доходить положенная в пути провизия, ни заварки, ни сахару. В общем, голодно, холодно, но платили неплохо. Да, мир спасёт красота, а красоту, в свою очередь, спасёт еда…

Лена и Настя умяли по банке сайры, закусили галетами со сгущёнкой, и я, как рачительный начальник, отправил Лену с чайником чая к личному составу. Не всё же им сны про девушек смотреть. Поезд находился в пути 36 часов, остановок было мало, девочкам не надо было часто выскакивать на перрон… Лена поила чаем прибалтийских воинов, разомлевших от счастья, а Настя, свернувшись в клубочек под моей мужественной рукой, рассказывала мне истории своей короткой девичьей жизни. Ну да, в 23 года я был вполне хорош собой, без намёка на лысину и морщины, а умение слушать присутствовало у меня всегда.

Так мы и ехали до самой до Москвы, дружным коллективом советской молодёжи, воплощая в горячие (и немного влажные) дела принципы интернационализма и единства Армии и Народа. В Первопрестольной расстались, наобещав писать, звонить, приехать летом в гости и т. д.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.